Липецко-Елецкая епархия

Задонский паломник

№ 84 2011 г. По благословению архиепископа Липецкого и Елецкого Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

Задонский паломник

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

№ 84
10 ноября 2011 года

Альманах издается по благословению Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнейшего Никона, архиепископа Липецкого и Елецкого

Учредитель:
Православная религиозная организация Задонского Рождество-Богородицкого мужского Епархиального монастыря г. Задонска Липецкой области Липецкой и Елецкой епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)

Главный редактор:
Иеромонах Гавриил (Мельников Д.В.)

Адрес редакции, издателя:
399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. К. Маркса, 121.
Телефон: (47471) 2-49-55

Адрес типографии:
399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14.

Тираж: 5 000 экз.
Цена свободная.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство: ПИ №ФС77-21446 от 01 июля 2005 г.

Одобрено синодальным информационным отделом. Свидетельство №134 от 4 сентября 2011 года

При перепечатке ссылка на «Задонский паломник» обязательна

Просьба не использовать издание в хозяйственных целях

Оставь любопытствовать, что делается в том или другом месте; озаботься узнать, при помощи слова Божия, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окончательной цели, к погибели или ко спасению, на каком пути ты находишься, на пути ли праведных или на пути нечестивых?

Святитель Тихон Задонский

СОДЕРЖАНИЕ:

2 **«БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ...»**
Проповедь архиепископа Липецкого и Елецкого Никона

5 **НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО**
Келейные письма. Письмо двадцать шестое

7 **ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ**
Избранные главы

9 **ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ**
Из писем схиархимандрита Виталия

12 **ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ**
Из бесед с кавказским пустынником
«Терпяще друг друга любовию», ч. 1

15 **ХРИСТИАНСКАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ В РАСКРЫТИИ СВТ. ТИХОНА ЗАДОНСКОГО**
Иеромонах Николай (Павлык), ч. 12

18 **ИГУМЕНИЯ ФЕОФАНИЯ И БЛАЖЕННАЯ АСЕНЕФА**

20 **«БОЖЕ, БУДЬ СО МНОЮ!»**
Из воспоминаний протоиерея Михаила Труханова, ч. 2

24 **РЕСТАВРАТОР**
Уроки жизни

26 **УРОДЛИВЫЙ**

27 **ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ**

28 **УРОК 3: ЗАПОВЕДИ И ХЛЕБ НЕБЕСНЫЙ**
Детские странички

30 **БЕЛАЯ ЗАНАВЕСКА В ОКНЕ**
Детские странички

«Бог есть Любовь...»

«...Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (Ин 4:16)

Проповедь архиепископа Липецкого и Елецкого Никона в день празднования св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова

Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь

Господь сказал: «Я есть Любовь»!

Действительно, Бог — это полнота любви. Он любит всех, он возлюбил каждого из последовавших за Ним учеников. Проповедуя Евангелие, святые апостолы источали ту любовь, которую Сам Господь вложил в их сердца. Но ближайшим, самым любимым учеником Христа стал святой апостол Иоанн Богослов — юный, кроткий и пламенный.

Почему же он считается самым любимым учеником Спасителя?

Мы видим из Евангелия, что святой Иоанн следовал за Христом неотступно. Став свидетелем Преображения Господня на Фаворе[1], он и во время Тайной Вечери возлежал на груди Спасителя[2], и был с Господом в саду Гефсиманском[3]. И когда все ученики в страхе разбежались, Иоанн последовал за Христом на судилище, а затем — крестным путем на Голгофу. Именно он, единственный из всех учеников, плакал у Креста с Пречистой Девой, взирая на страдания Своего Учителя... Там на Голгофе, с высоты Креста, видя любовь и преданность Иоанна, Господь усыновил его Своей Матери: *«Жено, се сын Твой»*. А ученику сказал: *«Се Мати твоя»*[4]... Спаситель доверил апостолу Иоанну Пресвятую Богородицу, и до самого Ее Успения он с сыновней любовью заботился о Ней...

Сегодня, дорогие, мы чтим память святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова — он был велик пред Богом и пред людьми. Прожив более ста лет, он скончался в начале второго века по Рождестве Христовом. Единственный из двенадцати апостолов, святой Иоанн окончил жизнь своей смертью. Хотя, как и другим ученикам Христовым, за проповедь Евангелия ему пришлось претерпеть и пытки, и мучения — он был приговорен к смерти и брошен в котел с кипящим маслом. Но Господь не допустил ему погибнуть, и из котла святой апостол вышел невредимым.

Иоанна Богослова называют Апостолом Любви. Возможно, Сам Спаситель, возлюбив Иоанна более всех, избрал его кроткое, чуткое и преданное сердце для особой проповеди — проповеди христианской любви. Мы знаем, сколько чудес совершалось по молитвам апостолов Христовых. И если лишь тень апостола Петра, падая на больного человека, исцеляла его, то каким же множеством чудес сопровождалась проповедь Иоанна Богослова — проповедь любви Божией, которой и сам апостол Иоанн был всецело проникнут. *«Чадца, любите друг друга!»* — часто повторял он приходящим к нему христианам, придавая заповеди о любви самое высокое значение. Он уверял, что исполнивший одну эту заповедь исполнит все заповеди Божии...

На иконах апостола Иоанна изображают с орлом — символом высокого богомыслия и богословия. Из четырех Евангельских повествований его Евангелие самое возвышенное, одухотворенное. Открывая его мы читаем: *«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»*[5] — и удивляемся тому, какие великие тайны Господь открыл любимому ученику, потому как и до сего времени эти слова понятны не многим. Он также написал три послания и книгу Откровения (Апокалипсис). Апокалипсис написан сокровенным письмом[6], в нем говорится о судьбах Церкви и кончине мира. Через святого апостола Дух Божий открыл тайны будущего, чтобы христиане были хоть немного готовы к тому,

[1] Мф 9:18-26; Мк 5:22-43; Лк 8:41-56

[2] Ин 13: 23-25

[3] Мф 26:36-46; Мк 14:32-42; Лк 22:39-46; Ин 18:1

[4] Ин 19:26-27

[5] Ин 1:1

[6] Т.е. символическим, образным языком.

что ждет их перед пришествием Господа Иисуса Христа.

Через апостолов говорил Сам Господь. Но ведь Господь не входит в злохудожную душу и не может обитать в теле, повинном греху[7]. Истина открывается только тем праведникам, которые, очистив свое сердце от греха, готовы были отдать жизнь свою за ближних. Как говорил Сам Спаситель: *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»*[8].

В своем Евангелии апостол Иоанн уделяет особенное внимание описанию тех случаев из жизни Христа, в которых наиболее открывалась Его любовь к людям. Все его послания так же проникнуты духом христианской любви и призывом любить друг друга: *«Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога... Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас»*[9]. Ведь, если мы не любим ближних, то в нас нет *«любви Божией»*[10].

Но как понять, что такое любовь Божия[11]? Ведь у каждого из нас есть своя любовь: к вещам, к предметам, к разным состязаниям, к искусству, к музыке и т.д... Встречается и любовь к определенному человеку. Более того, мы помним, что должны возлюбить Бога. И часто, заблуждаясь, думаем, что уже любим Его... Да, если человек начинает молиться — в этом уже проявляется любовь к Богу. Но при этом так необходимо возлюбить ближнего своего, а ближний — это каждый из тех, кто нас окружает!

Но, подмечая ошибки и несовершенства кого-либо из ближних, мы часто с презрением думаем: «Раз он такой, то ни любить, ни уважать, ни даже терпеть его не буду! Он сам виноват. Пусть и живет, как хочет...» Но вспомните, Апостол Иоанн сказал: *«Кто говорит: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?»*[12]

Так вот, дорогие, если мы хотим следовать за Христом, возлюбить Его всем сердцем, то прежде нужно воспитать в себе уважение и любовь к созданиям Божиим. Ведь каждый человек носит в себе образ Божий, а потому должен стремиться жить праведно, чтобы в своих поступках уподобляться Господу, положившему за нас Свою душу. Не на словах уподобляться Христу, а делом и истиной: искренне уважать, молиться за ближних, помогать, не щадя себя ради их спасения. Такова любовь Божия — искренняя христианская любовь, готовая принять на себя все немощи ближних и положить за них свою жизнь.

Сегодня любовь в мире иссякает... Иссякает потому, что так мало осталось людей, которые взяли бы свой крест и шли за Господом. Так мало преподобных — стремящихся уподобиться Богочеловеку, Его апостолам и преемникам апостольским — за которыми праведным христианским путем последовали бы и другие люди. Как сказано в Писании: *«Оскуде преподобный»*[13] — так оскудела и любовь в сердцах наших...

Мы самоотверженно любим лишь самих себя, а потому в нашей жизни ничего не складывается. Ведь если бы мы с любовью старались помочь ближним, то Господь, видя нашу жертву и благородное намерение, направил бы и нашу жизнь ко благу. Безразлично проходя мимо страждущих, мы готовим для себя строгий суд — сурово

---

[7] «Яко в злохудожну душу не внидет Премудрость, ниже обитает в телеси повиннем греху» (Прем 1:4).

[8] Ин 15:13

[9] 1Ин 4:7, 19

[10] 1Ин 2:15, Иуд 1:21

[11] Выражение «любовь Божия» или «Божественная любовь» обозначает дар любви, полученный человеком от Бога. Это одухотворенная любовь к Богу и людям, наполняющая человеческое сердце.

[12] 1Ин 4:20

[13] Пс 11:2

встретит нас Господь: *«Не знаю вас... Идите от Меня... так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне»*[14].

Однажды монахи шли в соседний монастырь. На пути им повстречался тяжело больной человек, но они прошли мимо, оставив его на дороге. Следом шел и игумен монастыря. Увидев страждущего, он поднял и понес его... Страдалец говорил ему: «Не надо... Ты меня не донесешь». Но игумен, из последних сил, нес несчастного до самого монастыря, а перед вратами обители тот внезапно исчез. Вероятно, это был Сам Христос. И послышался голос: «Ты молишься, чтобы братья твоего монастыря попали в Царство Небесное... Так пусть же они исполняют свой христианский долг так, как сейчас исполнил его ты!»

Многие из нас знают, как порой не хватает сил терпеть немощи ближних: пьянство, наркоманию, разврат. Порой в сердцах мы говорим: «Да как хочешь, так и живи!» А задумываемся ли мы, отворачиваясь от сбившегося с пути человека, что дьявол может окончательно увлечь его в свои сети и забрать его душу? Нельзя отдавать ближнего на погибель! Нужно бороться! За каждого человека бороться! Каким бы он ни был падшим, нужно умолять за него Господа и Матерь Божию. Ведь Спаситель сказал: «Стучите!» Но не так — немного постучал и ушел, а стучать горячо и неотступно. *«Стучите, и отворят вам!»*[15] Обязательно отворят — только нужно стучать, не задаваясь вопросом: «Когда?» Благоприятное время придет! Когда будет угодно Господу и полезно нам, тогда и откроется Его помощь...

А потому нельзя оставлять наших ближних в беде! Ведь всей своей злобой дьявол стремится довести человека до самоубийства. Что может быть страшнее? Тогда-то мы спохватимся, но будет уже поздно! Сейчас очень многие в великой скорби и в слезах приходят ко мне и к другим священнослужителем с запоздавшим вопросом: «Что делать?» — сын, или муж, или еще кто-нибудь из близких покончил с собой... А нужно было стучать, молиться! Нужно было без остатка все силы приложить для спасения погибающей души! Ведь мы могли помочь, но не хотели, а не хотели потому, что не имели христианской любви!

Нельзя думать, что Бог неумолим. Он помилует и придет в нужное время. Придет, чтобы исцелить нас, помочь нам, покрыть нас Своей Любовью...

Пусть же Его апостол Иоанн Богослов — Апостол Любви — поможет каждому из нас возлюбить Бога и каждого человека, как самого себя, всем сердцем, всей душой, всем помышлением.

Аминь.

[14] Мф 25:12, 41-45

[15] Мф 7:7

Архимандрит Ефрем Святогорец

О любви и прощении

Чада мои возлюбленные, молюсь, чтобы Бог любви укрепил вас в любви друг ко другу и дал вам ту любовь, которая не лукавит, не творит соблазнов, но наипаче рассеивает их мудростью, которую сама порождает.

Молюсь, чтобы Господь дал любовь чистую, любовь, которая затворяет уста обладающего ею и не позволяет низвергнуться в бездну осуждения, оговора, клеветы, лжи, лицемерия и иных бесчисленных зол, которые совершаются языком при отсутствии этой подлинной по Богу любви.

Обладающий любовью в Боге пребывает, и Бог в нем (1 Ин 4:16), и это свидетельство того, что мы Божии и любим Его, если имеем подлинную и неподдельную любовь друг ко другу.

Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца (1 Ин 3:15), он находится в духовной тьме и не ведает, куда идет (1 Ин 2:11).

Мы получили от Господа нашего Иисуса важнейшую заповедь — любить друг друга. И диавол дал заповедь слушающим его — друг друга ненавидеть. Стало быть, чью заповедь мы храним, того мы и ученики, и послушники.

Убоимся, чада мои, холодности к брату и вражды, а также и различных от нее помыслов, которые мало-помалу приводят душу к демонической ненависти, ибо тогда мы подчинимся врагу нашего спасения — диаволу, как господину, и соберем в своей бедной душе неисчислимое зло!

Любовь — это основание, фундамент, а также и кров той души, которая обладает ею. И душа эта имеет живущего в себе Бога любви и каждую секунду радуется светло.

Святитель Тихон Задонский

Келейные письма

Письмо двадцать шестое
(Часть 1)

Отзываешься ты, что хотел бы от суеты отстать, но не можешь.

Нет, отвечаю тебе: не не можешь, но не хочешь. При желании действительно все возможно. По водам ходить, по воздуху летать и прочее нам невозможно, а от любви мира сего отвратиться с помощью Божией возможно. Ибо Бог, Который повелевает: «Изыди от мира», — помогает тем, кто хочет и старается.

Прочие люди такие же, как и ты, земные были, плоть носящие и немощные, но презрели мир, и ныне многие презирают. Им возможно было — возможно и тебе, ведь ты одного с ними естества. Заставь себя, если не хочешь.

Размышление о наступающей беде и несомненная надежда на обещанное блаженство понудит и унылое сердце. Знаешь, что делают люди в пожарном случае или в нашествии иноплеменников: все бросают, чтобы жизнь свою спасти, хотя и жалеют о доме и имении своем. Видишь, что страх временного бедствия и смерти делает, как и выше писал я тебе. Ты им последуй в деле вечного спасения. Они ради временной беды и смерти оставляют все, а ты ради вечного бедствия и смерти оставь мир, дабы с миром не погибнуть.

Попадают люди в руки иноплеменников и умирают или в плен, который бывает хуже смерти, отводятся, если, не желая оставить имения, дома остаются. И часто сгорают люди, которые в дома, пламенем объятые, возвращаются, чтобы оттуда имущество вынести. И так люди, желая имущество спасти, сами погибают. Так поступают многие христиане, которые много собирают, а о душе небрегут, но так же пострадают. Имение остается чужим, а сами на тот век отходят без надежды спасения.

Знаешь также, что делают воины, как подвизаются, и в смертные случаи вдаются. Ради чего? Чтобы славу и ранг заслужить. Так поощряет их надежда удостоиться временной славы, хотя часто и обманываются. Почему же нас надежда удостоиться вечной славы не поощряет к подвигу? Поверь, друг, истину тебе пишу: если бы ты увидел будущую сынов Божиих славу, то и царскую диадему, и всю мира славу, и все сокровище его, радуясь, поверг бы, и о том одном заботился, как бы иную получить. Ничто бы тебя от того не удержало, не только прелесть мира, но и самое тяжкое мучение. Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас (Рим 8:18).

Также, если бы тебе показал Бог адское мучение, то честь, слава, богатство и все сладости мира сего были бы для тебя, как горькая полынь, неутешно бы плакал и рыдал ты, чтобы на то место не прийти. Но в том бедность наша и слепота, что мы, чего не видим, того и не желаем, и того бедствия не ужасаемся, которого не чувствуем, а о Слове Божием не рассуждаем, или не верим тому, хотя и все для спасения нашего открыто в нем. И так всякий по своей воле погибает.

Возьми в рассуждение воплощение Сына Божия и вольное Его страдание. Ради кого Он пришел в мир и пострадал? Ради человека. О, человек, человек! Дивное дело Божие, и дивный о нем Промысл Божий! Ради чего пострадал Христос? Ради человека. Не иная причина, как то, что сжалился над погибшим человеком и страданием Своим восхотел его от вечной муки избавить и в вечную жизнь ввести. О, воистину великое и непостижимое зло — вечная мука, от которой желая искупить человека и Крови Своей не пощадил Господь. О, каким великим и непостижимым должно быть блаженство вечное, если такой непостижимой ценой куплено, или, точнее, возвращено нам, поскольку мы грехами нашими потеряли его!..

Воистину, душа одного человека и спасение ее дороже для Христа, нежели весь свет, небо и земля, так как весь свет словом единым создал: Он сказал — и стало так (Быт 1), — а ради души человеческой Сам в мир пришел, воплотился, пострадал и умер. О, человеколюбие Господне! О, достоинство души, ради которой Сам Бог во плоти

явился! И не только явился во плоти, но и пострадал и умер ради души... Благослови, душа моя, Господа!

Такую ли благородную душу захотим миру нечувственному порабощать, и, возлюбленную Царем Небесным и Кровью Его святой омовенную, скверной мира любовью осквернять, и духовно прелюбодействовать, и, как драгоценный жемчуг, в грязь повергать?..

Пропади мир со всеми прелестями своими, пусть ищут его и любуются им не познавшие Христа. Нам же, о христиане, довлеет один Христос — красота, всех красот прекраснейшая, премудрость, содержащая все сокровища премудрости, сладость, все сладости превосходящая, слава, честь и похвала истинная. В Нем да будет для нас украшение, богатство, слава, честь, премудрость, утешение, радость, веселье и все блаженство, ныне в тайне сердца нашего сокровенное, но в день Его явиться имеющее. Тогда, то есть в откровении сынов Божиих, явится неоцененное всех христиан сокровище, которое они ныне в скудельных сосудах носят и которое злым и лукавым миром, как золото закопченное, презирается, и как жемчужина, в грязи валяющаяся, попирается, и как плод, хотя внутри сладкий и благовонный, но внешне некрасивый, отвергается.

Веришь ли этому? Если веришь, то отвратись от того, что только кажется сокровищем, но обманчиво, от того, чем мир любителей своих прельщает, и обратись ко Христу, и сокровища истинного ищи у Него. А если ныне не веришь, то тогда уже увидишь очами твоими, но поздно, но без пользы, но с сожалением, воздыханием, сокрушением и теснотой сердца, тогда говорю, когда праведники воссияют, как солнце, в царстве Отца их (Мф 13:43). А поскольку в отвращении сердца от мира сего почти вся сила христианского благочестия состоит, то возьмем в рассуждение некие к тому способы и их в сердце нашем сокроем и углубим, чтобы во время искушения и напасти оттуда, как из влагалища, орудия те взять и устоять в день лютый, препоясав чресла наши истиною (Еф 6:13-14).

1) Все, что ни есть в мире этом, человек при смерти оставляет, как и сам мир. Нагим входит в мир, нагим и исходит от мира. Никто не рождается богатым, благородным, почтенным, славным, но все равными, убогими и нагими рождаются, также и от мира равными отходят. Никто с собой ничего не выносит, ни богатый богатства, ни славный славы, ни почтенный чести, ни благородный благородства, но все всё здесь оставляют, и тогда всякий праведно об этих мира сего сокровищах рассуждает, но уже поздно. Зачем же за тем гоняться, что сегодня или завтра оставим? А вместо того уязвленную и трепещущую суда Божия совесть относим. Одна добродетель с нами отходит отсюда, и сопутствует нам, и клеветникам нашим заграждает уста, и приводит нас к Богу. Так рассуждай об этом ныне, как люди при смерти рассуждают, и тогда отстанешь от суеты.

2) Смерть за человеком ходит невидимой стезей. Кончина его там постигает, где не чает, и тогда постигает, когда не ожидает, и так постигает, как не надеялся. Будь же всегда таким, каким при кончине быть желаешь, рассуждай об этом, и внимай себе, и не захочешь в мире ни чести, ни славы, ни богатства, ни прочего угождения плоти. Думай, что сегодня или завтра скончаешься, и тогда вся суета от сердца твоего исчезнет. Ибо какая нужда в чести, в славе, богатстве и угождении плоти при кончине находящемуся? Хотя бы и царство, или золотые горы предлагали и обещали ему, — небрежет о том. Одна у него мысль, как бы блаженно скончаться. Будь же ныне таким и ты, и всякий день полагай себе последним, и ожидай, когда Господь твой позовет тебя к Себе, и ничто тебе не будет мило в мире, и когда будешь так бодрствовать и стоять, как на страже, блаженно скончаешься.

3) Смертью, как вратами, всякий входит в вечность. Тут человек становится или вечно блаженным, или вечно бедным и окаянным. Тут часто, и по большей части, богатый делается вечно нищим, славный и почтенный вечно бесчестным, господин навечно уничиженным ниже последнего раба своего, а князья и вельможи хуже подданных своих, и прочие, по мнению мира великие, вечно убогими и уничиженными становятся и навеки будут. Тут от всякого отступает утеха, которой кратко, как во сне, наслаждался, и наступает лютая горечь, которую вовеки без конца будет вкушать. Тут кончится и терпение убогих, и нищий становится вечно богатым, отверженный вечно избранным, презренный и поруганный вечно славным, страждущий вечно утешенным, скорбный и печальный вечно радостным и веселым. Словом, всякий приемлет свой жребий навечно. Блаженны одни, и еще повторю, блаженны, ибо вечно будут блаженными, и окаянны другие, ибо вечно будут окаянными. Рассуждай об этом, и такая перемена для людей изменит тебя, и сделаешься иным, не таким, как прежде был. Ибо рассуждение о вечности сильно подвигнуть и переменить сердце человеческое.

Толкование на Евангелие от Матфея

Избранные главы

Взгляните на птиц небесных... Посмотрите на полевые лилии...

(глава 6, зачало 18:2)

Смотрите, как Господь печется о Своих созданиях: ***воззрите***, — говорит Он, — ***на птицы небесныя***, которые так беззаботно летают в воздушных пространствах: ***яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы***, — и, однако же, не умирают с голоду, ибо ***Отец ваш Небесный питает их***. Если же Бог так печется о низших, неразумных тварях, то ***вы ли***, дети Его, ***паче лучши их есте*** (не гораздо ли лучше их)? Ваша жизнь в очах Божиих дороже жизни птиц; ваша душа носит на себе образ Божий; она разумна и безсмертна; ужели Бог забудет вас? Ужели не даст вам того, в чем вы имеете нужду? «Не сказал Спаситель, — замечает святитель Иоанн Златоуст, — смотрите на птиц, они летают, а это человеку невозможно; но сказал: смотрите, они питаются без заботы. А это и нам, если захотим, легко исполнить. Это доказали те, которые самым делом все исполнили. Тем более дивись мудрости Законодателя, Который мог привести в пример людей и указать на Илию, Моисея, Иоанна и подобных, не заботившихся о пище; но дабы сильнее поразить слушателей, упомянул о безсловесных. Если бы Он указал на тех праведников, то слушатели могли бы сказать Ему, что мы еще не сделались подобными им. А теперь, когда Он умолчал о них и привел в пример птиц небесных, то пресек всякий случай к извинению. Итак, если Бог имеет толикое попечение о вещах, сотворенных для нас, то кольми паче о нас самих; если печется о рабах, то кольми паче о самом господине».

Да ничего человек и не может достигнуть одним своим суетным попечением. Вот тому доказательство. Бог каждому из нас даровал душу и тело; душа пребывает всегда одинакова, а тело растет ежедневно. Да и ***кто же от вас пекийся*** — одними своими заботами — ***может приложити возрасту своему лакоть един*** (может прибавить себе росту хотя на один локоть)? Или кто может одними своими попечениями, без Божией помощи, продлить жизнь свою хотя бы на один час? Все это — не в нашей власти: это Божие дело. «Как телу, — говорит Златоуст, — при всем попечении твоем, нисколько не можешь прибавить роста; так точно не можешь снискать и пищи, хотя считаешь это возможным. Значит, не наше старание, но Божий Промысл приводит в исполнение все то, что, по-видимому, совершаем мы сами.

Ибо если Бог оставит нас, то ни попечение, ни заботливость, ни труд, словом — ничто не поможет нам, но все будет тщетно». Зачем же и мучить себя попусту излишними заботами? Вот почему преподобный Сирин говорит: «во всю жизнь мою жал я, шил и плел; но при всем том, если бы рука Божия не питала меня, не мог бы я прокормиться».

Одежда не так необходима, как пища; поэтому о ней еще меньше надобно безпокоиться, чем о пище: ***И о одежди что печетеся*** (и об одежде что заботитесь) — глаголет Божественный Учитель. Подумайте, что такое одежды? «Это, — говорит митрополит Филарет Московский, — памятник нашего грехопадения; это защита от стыда телесной наготы, которой не знал человек в раю, пока не преступил заповеди Божией; это напоминание о той победе, которую одержал над нами враг-искуситель; это слабое средство для временного сохранения нашего бренного тела от холода и сырости, от болезней и смерти... Что же после этого делают те, которые с такой заботливостью, наперегонки один перед другим, стараются блистать красотой и великолепием своих одежд? Чем они гордятся? Разве гордится больной красотой повязок на своих ранах, или раб — своими оковами? Не все ли равно для больного, будут ли его повязки златотканые или простые льняные, а для раба оковы — из чистого золота или из ржавого железа? А между тем посмотрите, как иногда на улице без внимания проходят мимо нищего, просящего мелкой монеты на хлеб насущный, и тысяч не жалеют для ненужного украшения своего тела!... А сколько тратится времени на суетные заботы об этих нарядах и уборах?... Прилично ли это для учеников Христовых? Не оскорбительно ли для Христа Господа? Послушайте, как Он пристыжает все эти излишние попечения: ***смотрите*** — говорит Он, — ***крин сельных*** (на полевые лилии!)» Посмотрите на эти прекрасные белые полевые лилии, на все это безчисленное множество цветов, украшающих

землю: ***како растут;*** о них не заботится попечительная рука человека, не заботятся и сами они о своей красоте: ***не труждаются, ни прядут***. А между тем, рассмотрите внимательнее их дивные одежды, сотканные рукой Творца: какое безконечное разнообразие рисунков, какие неподражаемые для искусства человеческого оттенки в красках! Ваш взор встречает в них и пурпур утренней зари, и лазурь свода небесного, и белизну снега, и синеву воздуха, и красноту огня, и блеск золота... ***Глаголю же вам, яко ни Соломон*** — этот славнейший и богатейший из царей древности, ***во всей славе своей облечеся, яко един от сих*** (во всем своем истинно царском величии не одевался так великолепно и роскошно, как один из этих нежных, чистых, столь разнообразных цветков)... «Если же, — говорит святитель Златоуст, — даже этот мудрейший царь не мог сравниться красотой одежд с полевым цветком, то тебе ли превзойти когда-либо их красоту? Между одеждами и цветами такая же разница, как между истиной и ложью». Как бы искусно ни были раскрашены одежды, все же это — только мертвая подделка человеческого искусства под природу, а не сама живая природа — дело рук премудрого Творца. «Разве у царя Соломона не было златотканых одежд, драгоценными жемчугами и самоцветными камнями украшенных? — размышляет святитель Димитрий Ростовский. — Кажется, как можно сравнить бедный полевой цветок с богатым царем Соломоном? Соломон — в царской порфире, а цветок — в своих листочках; Соломон — в царских палатах, а цветок — на поле, ветром колеблемый; Соломон — на престоле, а цветок — низко на земле; к Соломону никто не смеет подойти, а цветок всякий топчет ногами; Соломон царствует во славе своей много лет, а цветок — день, два, иногда неделю цветет»... Почему же Господь наш поставляет цветок полевой выше всей славы Соломоновой? Да потому, что Соломон, хотя имел и много всяких богатств, златотканых одежд, драгоценных царских украшений, однако же, все это имел не от природы своей, а приобрел со стороны; он родился таким же нагим, как и прочие люди; а цветок ни от кого своей красоты не заимствует, ни у кого ничего не берет, но все, что имеет, у него — собственное, природное, Богом ему данное, а потому он богаче, и прекраснее, и славнее самого царя Соломона. ***Аще же сено сельное, днесь суще, а утре в пещь вметаема*** (если же траву полевую, которая сегодня есть, если уж эту ничтожную полевую траву, которая ныне так красуется, а завтра будет скошена, засохнет и будет брошена в печь), ***Бог так одевает, не много ли паче вас, маловери!*** (так дивно, прекрасно украшает, кольми паче вас маловеры!). «Неужели, — говорит Златоуст, — Он не заботится о тебе, существе, лучшем из всех земных существ, созданном для вечной жизни? Если Бог и сену дает то, что вовсе ему не нужно, — ибо нужна ли его красота огню? — то как Он тебе не даст то, в чем ты имеешь нужду? Если и самое последнее Свое творение Он украсил с избытком, и это не по нужде какой, а для великолепия, то кольми паче украсит тебя, существо самое дорогое из всех. Зачем же тебе мучить себя суетной заботой, как будто Промысл Божий меньше занимается тобой, чем увядающей травой?..»

Какой кротостью дышет это обличение Спасителя! Он не упрекает слушателей в неверии. Какая Божественная мудрость видна в самом указании на природу: говоря о пище, Он указывает на птиц; но почему же, говоря об одежде, Он не приводит в пример тоже птиц или других животных? Мог Он назвать многих из них, разукрашенных. Потому, что желает показать ничтожность травы и блеска красоты, данной этой ничтожной траве. «Описав красоту лилий, — говорит Златоуст, — Он же позже не называет их лилиями, но травой полевой, даже не довольствуется и этим названием, но еще, с другой стороны, показывает их ничтожность, говоря: *«сегодня есть»*. Затем, Он не говорит: этой травы на другой день уже нет, но еще более унижает, говоря: *«будет брошена в печь»*. Он не сказал просто: Бог одевает, но *«Бог так одевает»*. Видишь, как Спаситель постепенно все более и более усиливает Свою мысль? И делает Он это для того, чтобы сильнее воздействовать на Своих слушателей. Для этого же Он с особенной выразительностью и силой прибавил: *«кольми паче вас»*, вас, которых Бог одарил душой, для которых образовал тело, для которых сотворил все видимое, для которых послал пророков, которым дал Закон и соделал безчисленные блага, для которых предал Единородного Сына, и через Него сообщил безчисленные дары? Как же после всего этого не назвать вас маловерами?»

«Что же, — вопрошает святитель Филарет Московский, — неужели все должны отвергнуть всякое благолепие и облечься в рубища? Нет, никто этого не требует. Божественный Учитель обличает только попечения излишние, суетные, пристрастные. Всем известно, что и Сам Он носил драгоценный нешвенный* хитон, который пожалели раздрать разделявшие ризы Его». И в одежде должно наблюдать благоприличие. Но попечение без конца, пышность без меры, расточение без цели, ежедневные смены уборов, рабство перед модами — вот что осуждает Спаситель.

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Духовное наследие

Из писем схиархимандрита Виталия[1]

Писано есть: Господь крепость людем Своим даст...

Возлюбленные радосте наши!

Писано есть: Господь крепость людем Своим даст, Господь благословит люди Своя миром. Вы же приносите Господеви песнь благодарения: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго (грешную).

Молитва есть: покаяние, всепрощение грехов, ограда, благоразумие, любовь Божия, украшение добродетелями, соединение с Богом, Который благословит всех Вас, ущедрит и в Небесные обители водворит.

Во время тоски и других изменений...

Возлюбленные радосте наши, матери золотые!

Дух Святый да почиет на Вас, врачуя немощная и восполняя оскудевающая, храня, прощая, украшая добродетелями, ведя во спасение.

Во время тоски и других изменений надо безпрестанно творить: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, Богородицею, помилуй нас грешных. Отец Андроник говорил: «Кто молитву не читает, тот тоской заболевает». С нею – и уныние, и тако себе отягощает. А терпение и молитвенный труд все души снесут [возьмут и] ко Господу приведут.

Претерпеть с благодарением выше есть всех добродетелей...

Всегда творите молитву Иисусову, и поможете: себе, живым, почившим. Как можно, так и молитесь: сидя, лежа, всяк; не смущайтесь, что говорят – то терпите, но не осуждайте. Знайте, что претерпеть с благодарением выше есть всех добродетелей. Вы молитвенно не оставлены. Я [же] до сих пор лежу в постели, сижу, да ем, за Ваши Святые молитвы здрав.

Так делать, как говорил Владыко Схимитрополит Серафим...

Жизненные скорби, страдания и недоумения, при терпении и благодарении, уготовляют венцы спасения. Пусть мать Л. не скорбит [об отце] Д-и. Служба – это послушание, куда направило начальство – это воля Божия изливается на него, а теперь только благодарение и упование на Господа.

Царствие Небесное отцу А., надо молиться и Бог спасет. Самому ничего не надо думать, а так делать, как говорил Владыко Схимитрополит Серафим: «Да будет воля Божия».

Благо мне, яко смирил мя еси...

Мать З.! «Многи скорби праведным, и от всех их избавит я Господь».

За мать Р. не правы. Ты обиделась – это не к лицу христианина.

Всегда со Святым Царепророком [Давидом] пой: «Благо мне, яко смирил мя еси», Господи, яко «да научуся оправданием Твоим».

Все Ваши труды сочтены и вписаны в книгу жизни золотыми буквами...

Главное – никогда не скорбите. За все благодарите, предавайтесь воле Божией. Все Ваши труды, усердие, милостыни сочтены и вписаны в книгу жизни золотыми буквами. Святые Апостолы ничего не имели, а всех обогащали, и Вы можете сие делать.

Беспрестанно читайте: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных. Сидя, ходя, лежа, стоя и при всяком труде читайте молитвы и всех обогатите и душе своей золотой венец заработаете.

Жила бабушка...

Возлюбленная мать Н.!

Вы говорите, что не молитесь. Делайте всякие дела, а беспрестанно читайте: «Господи, Иисусе Христе, Сыне

[1] Назидания Старца приведены с соблюдением изначальной формы и стиля его писем к духовным чадам. (прим. ред)

Божий, помилуй нас грешных», – вот Вы и помолились. Читайте при любых трудах и делах.

Жила бабушка. Пришел священник. Над домом у нее увидел свечу горящую. Спросил, как она молится. Та ответила, что неграмотная, и что знает, то и поет целый день. Он сказал: «Выучите утренние, вечерние молитвы». Так она и сделала: помолится утром, вечером – и больше не молится. На следующий год пришел к ней священник – свечи над домом не было. Свеча – это жизнь ее святая. Когда она сказала, что молится утром и вечером, тогда священник ей сказал: «Молись, как молилась», – то есть, всё время.

Так поступайте и Вы: идете, сидите, моете, стираете, убираете – не что-либо мыслите, а читайте: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных», – вот и всех спасете: и живущих, и почивших.

Да благословит Вас Господь от Сиона, Живый во Иерусалиме, Ему слава. Аминь.

Подражайте Христу, Который смиренно нес послушание Небесному Отцу до смерти, а мы должны терпеть крест жизни и с благодарением нести.

На маму можно говорить, что благословенная...

На маму можно говорить, что: благословенная, любвеобильная, дорогая, милая, а иначе нельзя – грех есть.

Не скорби... мы чудесами живем, а их совершает Бог...

Не скорби, [чадо], кающемуся и смиряющемуся Господь помогает... Не скорби за клеветки – что у человека невозможно, то у Бога возможно. Послал старец ученика принесть воды. Он увидел в воде аспида, и пришел ни с чем. Старец пошел с учеником, перекрестил воду, испил, дал и ученику и рек: «Если бы диавол во всем мире набросал аспидов в воду, то значит и пить нельзя?» Так и над нами всеми промышляет Бог, только надо Ему молиться, а пищу и воду крестить и будет все хорошее. Мы чудесами живем, а их совершает Бог, Ему слава, Аминь.

Когда кто бывает болен...

Когда кто бывает болен, то старайтесь посетить, чем-то помочь, сказать, что за все надо благодарить Господеви.

Божии Праздники приходят-уходят...

Божии Праздники приходят-уходят и делают круг вращения их памяти. Жизнь человека сперва является: младенец, затем возрастает в юношество, потом в мужество – зрелость и, наконец, – старость, и смертию оканчивается. Так дивно сотворено Господом: весна – воскресение, лето – зрелость, осень – сборы плодов и зима – смерть; все отошло и замерло. Это [для того] чтобы мы помышляли о делах Божиих, да Его благодарили, стремились к Небу, горели молитвою, запасались добрыми делами к вечности.

Все родные, един сопротивник чужой...

Дорогой возлюбленный отче В. и все о Господе присные! Благословение Святыя Матери Руси со всеми Святынями Ея да почиет на Вас всех во веки!

Никогда не надо унывать, [но] всех любить и прощать. Один старец умер, а другой молился и говорил в молитве так: Господи прости того старца, а ежели нет, то вот мой тридцатилетний покаянный подвиг вмени ему, а я [ведь пока еще] живу, и буду каяться, а если мало сего, возьми мою душу и пошли в муки, а сего старца только спаси, он не винен. [После этого] Дух Святый сошел, прощены были грехи почившаго, прощены грехи молившагося, и лампада загорелась [сама собой].

Это из повести о горящей лампаде. Из этого видно, как должно любить всех людей на свете, никогда ни думать, ни говорить нельзя, что одни свои, а другие чужие. Все родные, един сопротивник [т.е. враг-диавол] чужой.

Посмотри на пройденный путь жизни и удостоверишься в помощи Божией...

Возлюбленная мать М. с родными!

Благословение Живоначальныя Троицы, Матери Божией, Святаго Сергия, всех святых в земле Росийстей просиявших да почиет на тебе во веки!

Не скорби, а благодари Господа – и спасешься. Христос терпел и нам велел. Всем Бог дает помощь. Посмотри на пройденный путь жизни и удостоверишься [в помощи Божией].

Прости, благослови, не скорби, а всегда в уме и устах благодари Господа.

Паче же помышляйте о Небесном доме...

Мир Вам и Божие благословение!

Возлюбленные и незабвенные о Господе ... и все во Христе со сродниками, близкими и домочадцами Вашими!

Так сказал старец своему чаду: Сын мой! если ты хочешь жить посреди людей, то должен исполнять следующее: отнюдь никого не порицать, не осуждать, не гневаться; никого не уничижать, также не помышлять о себе, что сделал когда-либо доброе дело, и остерегайся говорить: такой-то живет хорошо, а такой-то

невоздержанно, ибо сие-то и значит: не судите. Но на всех смотри одинаковыми глазами, с одинаковым сердечным расположением, с одинаковым помыслом, в простоте сердца, и принимай с одинаковым помыслом всех, как Самого Христа. Не приклоняй уха твоего к человеку, который клевещет (на ближняго), и не услаждайся (беседою) такового, но содержи уста твоя во многом молчании, будучи медлен на беседу и скор на молитву. И не укоряй никогда клеветника или другаго кого, делающего беззаконие, но всегда смотри на свои недостатки, укоряй и уничижай себя ежедневно.

Сие очень спасительно послушающим и с Божиею помощию делающим.

Помоги и благослови Господи и Царица Небесная строить до конца дом себе, паче же помышляйте о Небесном доме – о Христе Иисусе, Которому слава.

Аминь.

Я вот, отче, много грешу...

Возлюбленне отче В.! Спаси Вас, Господи, по милости Своей.

Я вот, отче, много грешу, ропщу, что не по-моему всё сделано, приготовлено, да еще и не каюсь, а за все грех. Прости мя, да еще на духовные особы обижаюсь. А ведь мне не надо обижаться, [но] за все благодарить, всех мне надо любить, терпеть, всех святыми почитать и смиренно жизнь свою проводить. Вам же да поможет Господь, Ему слава. Аминь.

Кланяемся, благодарим, целуя стопы Ваши. Христос посреде нас. Спасайтесь, простите.

Тяжесть – за ропот и озлобленность...

Мать С.! Тяжесть – за ропот и озлобленность, [потому] помыслы и не дают покоя. Надо всех умом считать Святыми, а себя винить, терпеть, моля о сем Господа и Его Пречистую Матерь, Им же слава.

Аминь.

Надо бороться со своеволием...

Господь рек: не да творю волю Мою, но волю Пославшаго Мя Отца, и нам надо бороться со своеволием. Сей грех из Ангела диавола сделал, Святаго Адама из рая изгнал, Апостола Иуду в огонь посадил, смерть и страдание породил. Надо бороться с ним.

А ежели бы сего не было, то рога бы выросли...

Возлюбленные радосте наши! Да поможет и благословит Вас Господь Своими великими и богатыми милостями, подавая помощь свыше от Отца Светов.

Вы Господеви приносите: смиренное послушание, за все благодарение; и в радости, и в скорби возлагайтесь на промысел Божий. Всегда молитесь, главное не ссорьтесь. Я вот по затыльнику получаю, а ежели бы сего не было, то рога бы выросли: своеволия, самонадеяния, хвастовства, высокоумия. Видите, каждому человеку надо поклониться, чего я не делаю. Молчание нарушаю криком, и что строится – от многословия распадается. Надо каяться, рассказывать грехи всем, хотя бы так: поклонясь до земли, сказать «простите». В детстве мать учила, затем старцы велели, а я загрязнился непокорностью завету Божию. Да будет Вам помощь от Господа, Ему слава. Аминь.

Матери С. – маму слушать. Всем Вам у родителей брать благословение, которое оградит аки Божия стена.

Жили родители, они учили детей всё давать другим...

Возлюбленные радосте наши!

Жили родители, они учили детей всё давать другим. Мама приготовит пирогов, даст детям и скажет: это Вам, но Вы не кушайте, а идите к Божию Храму и всё раздайте. Так дети всё раздавали и научились подавать щедрую милостыню.

Когда другому даешь, то – Самому Христу Богу. Этим, что раздаешь, зарабатываешь спасение, очищение грехов, дочерью Божиею делаешься, располагаешь всех к усердию добра. И что больше даешь, Бог посылает, по реченному: дающего рука не оскудевает.

Подвизайтесь, бодрствуйте, благословите, спасайтесь, простите.

Надо себя винить...

Возлюбленные!

Надо себя винить, всегда каяться, терпеть, переносить всякого рода оскорбления, болезни и все, что нас постигает на жизненном пути. Зане так изволи Бог. Чада Божии нарекутся те, кто смиряется, любит, терпит, последнее место избирает, всем сострадает, не ропщет, у Господа прилежно испрашивает Его великой и богатой милости.

Согрешивши надо каяться. Если в чем-либо на другого плохо подумали, то уже согрешили. Без всякого разбора надо себя винить, себя укорять; ...молиться за всех тех, кто на нас обижается, и мы [на кого] обижаемся такой молитвой: 12 раз с поясными поклонами: «Благослови Господи рабы Твоя (имена) и их Святыми молитвами и мя окаянную[ого] помилуй». Надо так молиться до тех пор, пока или умиротворится свое сердце или примирится человек.

«ТЕРПЯЩЕ ДРУГ ДРУГА ЛЮБОВИЮ»[1]

Часть 1

Вопрос: *Когда мы говорим о том, что все скорби, которые мы получаем от ближних, нам полезны, то, конечно же, соглашаешься, хотя, это и неприятно, но вместе с тем чувствуешь какую-то свою обреченность, и даже ропот: «Конца этому не видно!» А если подумать, что в общении друг с другом мы можем приобрести и раскрыть в себе что-то ценное, что у нас есть какой-то скрытый потенциал, то легче принять даже огорчение.*

Ответ: Мы чувствуем обреченность, когда рассматриваем все обстоятельства, сложившиеся против нас, просто по-человечески. А если будем воспринимать эту жизнь, скажем, как университет для подготовки к счастливой и радостной вечности, тогда земные скорби и вся эта земная жизнь не будут так отягощать нас. Обиды, оскорбления и различные неприятности будут продолжаться до тех пор, пока мы не научимся благодушно по-христиански на них реагировать.

Если обратить внимание на житие блаженной Ксении Петербургской, то нетрудно заметить, какие оскорбления, обиды и унижения она претерпела от своих сродников, когда начала юродствовать. Сколько оскорблений на улицах города, насмешек и унижений даже от детей?! Так что однажды она по-человечески изнемогла, сорвалась на гнев и погналась за ними с палкой. Но по мере своего совершенствования, очищения и благодатного осенения, эти ее внешние обиды уменьшались, и со временем сменились уважением и даже почитанием от тех людей, которые прежде гнушались и гнали ее.

Так что никакой обреченности на оскорбления не существует, а есть Промыслительное Божие воспитание или обучение нас освобождению от страстей и приобретению противоположных грехам добродетелей. Предел этому – достижение бесстрастия и ощутительное действие в душе Благодати Святаго Духа.

Вопрос: *Сомневаюсь, что для меня это достижимо.*

Ответ: Не надо думать: «Для меня это недостижимо – очень долго ждать своего очищения. Неужели все эти годы мне нужно будет беспросветно страдать?» Нет и нет! Все эти страдания происходят из-за нашего неверия в то, что всё, что Господь с нами не делает – всё к лучшему. Каждый случай нам посылается для того, чтобы в нем мы отвергли нашу человеческую грехолюбивую волю и исполнили волю Божию, ту или иную заповедь и требования своей христианской совести. Потому насколько в каждом скорбном случае мы будем поступать, как говорится, по-божески, настолько будем освобождаться от оскорблений. А чтобы не показалось, что это какая-то отвлеченная теория, расскажу свой личный опыт, который меня в этом убедил.

Это было еще в советское время. В то время мы приходили к одному греку, который принимал всех пустынников и пустынниц. Они спускались в его дом, стоящий на краю селения, для того, чтобы по потребности каждого распределять продукты и одежду, которые привозили из города. В тот день собралось в доме много людей, и вместе с другими из города приехала одна матушка. В разговоре с ней с первых слов было понятно, что она желает «почистить» меня перед всеми. Мне и самому было бы неприятно, тем более при братии, а особенно при маловерующих родственниках хозяина, которые могли соблазниться вообще всеми пустынниками. И я взмолился: «Господи, что же мне делать? Как же быть в этой ситуации?» И пришел благой помысл, чтобы я отвечал ей так, как читал у аввы Дорофея: не пытался оправдаться, а, наоборот, укорил себя. Как только посыпались обвинения, то мне уже было понятно, что нужно отвечать: «Матушка, Благодать во устах Ваших. То, что Вы говорите, это еще несравнимо с тем, что, в самом деле, во мне есть греховного и нехорошего». Она замолчала, больше ничего говорить не стала, будто забыла о том, что собиралась высказаться, и разговор переключился на другую тему. Прошло уже около трех лет. Снова она меня «чистит», а я в ответ на ее обвинения стал оправдываться, тогда она сказала: «Вот видишь? Помнишь, в доме у Сократа я хотела тебя почистить при всех? Но ты не стал оправдываться. После твоих слов я даже уже не знала о чем больше и говорить. А теперь тебе делают замечание, и ты оправдываешься. Ты – не монах». – Да, правда, матушка, я еще не монах.

Поступив так, не только я избежал скорби и оскорблений, но и ей стало легче, хотя мог бы получиться конфликт, что соблазнило бы людей. Этот случай меня вразумил и уверил в том, что если в каждом конкретном случае мы поступаем по заповеди, по учению святых отцов, по требованиям своей совести, то Сам Господь разрешает эту ситуацию. И скорбь, либо совсем минует, либо проходит легче. Так что не нужно ждать, пока мы достигнем бесстрастия, и нет никакой обреченности на оскорбле-

[1] Еф 4:2

ния, поношения и тому подобное, потому что, как сказано у аввы Дорофея: «Если кто вначале понуждает себя, то продолжая подвизаться, мало-помалу преуспевает и потом с покоем совершает добродетели, поскольку Бог, видя, что он понуждает себя, подает ему помощь».

Вопрос: *По заповеди и наставлениям святоотеческим – это еще понятно, а в чем тут исполнялись требования совести?*

Ответ: В самом деле, эти требования есть, только мы не обращаем на них внимания. «Совесть – это мысль, это – голос Божий, показывающий видение воли Божией (отсюда *со-весть*) относительно того, что должно и чего не должно делать человеку», о чем и напоминают нам заповеди Евангелия и святоотеческое учение. Святитель Игнатий Брянчанинов говорит: «Евангельские заповеди всегда должны предстоять уму, чтобы ум как бы плавал в изречениях Священного Писания, чтобы на всякий случай жизни, для всякого дела, для всякого поступка было готовое наставление Евангелия... Мы должны вменить себя должником всякой заповеди Христовой» – и сделать их требованиями своей совести. Совесть имеет разные степени и разную просвещенность: есть языческая совесть, злая совесть, омраченная, сожженная совесть или потерянная совесть. Раньше говорили: «Ты – бессовестный», – и это было самое тяжкое осуждение, а сейчас если и говорят так, то зачастую человек даже не стыдится, что его так назвали. Фактически, состояние совести показывает духовный уровень жизни человека в данный момент. О том, чтобы полуязыческую совесть превратить в христианскую постоянно заботится наша Матерь Церковь, и на Литургии читается тайная священническая молитва об избавлении нас от злой совести. Совести, которая называется так, потому что оправдывает то зло, которое мы приносим людям.

Так что, в данной ситуации, требования совести исполнялись в том, чтобы поступить по заповедям и святоотеческому учению.

Для того, чтобы не допустить соблазна дана заповедь: «*Не станем более судить друг друга, а лучше судите [рассуждайте] о том, как бы не подавать брату случая к преткновению или соблазну*» (Рим 14:13).

Для того, чтобы помолиться, Господь сказал: «*Без Мене не можете творить ничесоже [благого]*» (Ин 15:5) и «*Призови Мя в день скорби Твоея*» и *изму тя*» (Пс 49:15).

Для того, чтобы не оправдываться дана святоотеческая заповедь: «Кто отвергся справедливого или несправедливого обличения, тот

отвергся своего спасения» (преп. Иоанн Лествичник).

А если вернуться к твоему первому вопросу о том, что хотелось бы увидеть в себе что-то ценное, какой-то скрытый потенциал, то считаю, что действительно в каждом человеке какие-то «скрытые потенциалы» есть. Но в большинстве своем, это – потенциал своих страстей, явный или скрытый, и только у бесстрастных это – благодать Святаго Духа. Если же человек замечает в себе какие-то неудобопонятные для него качества, например, как я умею «обломать кому-то «роги»», или как я корректно умею вести себя как со старшими, так и с младшими, или как я ловко умею «ставить людей на место», «надуть», «косить под дурачка» и прочее, то это – потенциал страстей. Святые отцы наставляют, что если бы Господь открыл нам духовные очи, то мы увидели только свою глубокую греховную тьму. Потому без духовного совета под видом «ценностей» и какого-то неопределенного «скрытого потенциала» скорей всего мы питаем и взращиваем свои страсти и пороки. Но если человек не рассмотрел себя правильно в свете Евангелия и не осознал их как страсти, то они являются просто обольщением человека на благовидно прикрытый грех. Обманутая каким-то благовидным предлогом совесть замолкает, а человек остается в обольщении, ссылаясь на их «нужное» применение – будто бы без этих «ценных» качеств в жизни никак не обойтись. И если вовремя не осознает душевредность подобных сомнительных «ценностей», то уклонится в немалую духовную опасность и рискует даже погибнуть в этом обольщении. Потому, в общении с ближними, лучше приобретать и развивать действительно ценное в себе – христианскую совесть.

Вопрос: *Я размышляла о вашем совете обратить внимание на такое качество сердца, как милосердие, но тут же вспомнила многочисленные примеры подобных «добродетельных». Даже Йозиф Геббельс нежно и трепетно любил своих домашних животных, что не мешало ему быть одним из вдохновителей нацизма или можно вспомнить другой распространенный житейский пример, когда у любимой кошечки даже прощения попросят, а при общении с человеком на первом месте будет стоять вопрос: «Да кто ты такой?»*

Ответ: У такого человека, по-видимому, не было христианского осмысления своих поступков, мыслей и чувств. Он в своей жизни не ставил правильных идеалов, не заботился о христианском облагораживании своей души, а остановился только на врожденном качестве – милосердии – которое в душе у каждого из нас уже есть, так же как и предначатки других добрых склонностей. Их только нужно осознать в себе и дать им развиваться. А если

он не дал развиться этим задаткам в христианские качества, то для того, чтобы заглушить требования своей неусыпной совести человек начинает проявлять милосердие к животным, оставляя свое сердце жестоким.

В «Братьях Карамазовых» авва Зосима в своих поучениях говорит: «На земле мы воистину как бы блуждаем. И не было бы перед нами светлого образа Христова, то заблудились бы и погибли все, как люди перед потопом». Когда мы ставим перед собой идеал Христа и все свои наклонности направляем на этот идеал, то формируем цельную личность, для которой добродетель не является какой-то отдушиной, а является, в общем-то, принципом существования, смыслом всей жизни, когда она становится сердцевиной души и смыслом всех ее движений. Свои поступки мы должны соотносить только с Христом, в каждой жизненной ситуации, ставя перед собой вопрос: а как бы Он поступил на моем месте? Так же учит нас апостол: «*В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе*» (Флп.2:5).

Вспомнил потрясающий случай, описанный в «Отечнике». Один монах влюбился в дочь жреца и хотел на ней жениться. По требованию этого жреца, отрекаясь от монашества и от христианства, он увидел, как из уст его вышло подобие голубя и улетело на небо. Но и это видение не вразумило его, и он не отступил от своего греховного желания. Жрец же сказал ему, что не может отдать ему своей дочери потому, что Бог доселе помогает и не отступает от него. Услышав это, брат, опомнившись, сказал сам себе: «Я, несчастный, отрекся от Бога, от крещения и от обетов монашества, а Всеблагий Бог доселе помогает мне окаянному! Если Бог оказывает мне такую милость, зачем же мне отступать от Него?» Потрясенный Божьей милостью, он обратился к покаянию, то есть, фактически, Господь привлек его Своею милостью, и снова обратил к Себе. Вот так же и мы, если на оскорбления будем отвечать милостью, то благо будет и для ближних, и для нас.

Вопрос: *Только не совсем понятно какое благо для нас.*

Ответ: А наибольшее благо для нас выразится в том, что мы будем похожи на Христа, как говорит апостол Иоанн Богослов: «*когда Он явится, то подобны Ему будем*» (1Ин. 3,2). Ведь «*Дети Божии и дети диавола узнаются так: всякий, не делающий правды, не есть от Бога, равно, как и не любящий брата своего*» (1Ин. 3,10) согрешающего против нас. Потому мы должны стремиться к тому, чтобы быть похожими на

Него качествами милосердия и прощения.

Подобное милостивое долготерпение мы встречаем у Пахомия Великого. Колдун жил рядом с ним и делал ему пакости, а он все это знал и терпел. Через двадцать лет в какой-то ситуации старец все-таки обличил его, сказав: «Я знаю, что ты этим занимаешься еще с самого начала». – И ты двадцать лет знал, что я этим занимаюсь? – Знал. – И терпел? – Терпел. – Ну, тогда я от всей души уже каюсь и сжигаю все свои книги. Так терпение преподобного отца возвратило заблудшую душу к Христу. Подобным образом, если, каждый из нас, находясь в тяжелой ситуации, и видя от своих ближних какую-то неблагодарность, оскорбление, неправду и прочее, будет стараться относиться к ним милостиво, а не осудительно и категорично, то со временем приведет их души к покаянию и спасению.

Вопрос: *Это же был преподобный Пахомий Великий?! А наше терпение вообще что-нибудь значит?*

Ответ: Конечно, значит. Каждая мать знает, что значит потерпеть ребенка, каждая супруга знает, что значит потерпеть мужа, когда он «рвет и мечет», и каждый отец знает, что значит потерпеть детей, когда они выходят из повиновения. Милосердие, долготерпение и благоразумие много значат для людей, с которыми мы общаемся. И в несравненно большей степени для нас самих, потому что мы приобретаем свойства, спасающие нас, уподобляющие нас Богу. Ибо в Нем, как говорят богословы, «со свойством благости Божией тесно связаны такие свойства, как любовь и милость, представляющие собой частные аспекты свойства благости.

Любовь – есть благость в отношении к личностным существам: людям и ангелам.

Милость – есть проявление благости к падшему человечеству – к грешникам, иными словами, милость – это любовь по снисхождению, любовь к тем, кто любви не заслуживает. Таким образом, милость сближается со свойством долготерпения». А в Священном Писании сказано: «*Муж долготерпелив много в разуме*» (Притч. 14, 29), потому что такой поступает мудро и благостно по отношении к людям, и к самому себе, и исполняет заповедь: «*Поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем*» (1 Фес. 5, 14).

Если же милосердие проявляется для самолюбования, или из побуждений купить за добродетели Царство Небесное, как думают об этом в католичестве, или же милосердие проявляется к животным как «отдушина» для успокоения своей совести, то это говорит о том, что в человеке нет цельной натуры, нет сердцевины, которая устремлена ко Христу, этот человек живет в самообмане, потому и такой пример как Геббельс возможен.

Христианская нравственность в раскрытии святителя Тихона Задонского

Иеромонах Николай (Павлык)

Часть 12

ГЛАВА III
ХРИСТИАНСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ ПО УЧЕНИЮ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА[1]

Любовь к ближнему

От любви к Богу неотделима любовь к ближнему. «Кто любит Бога, тот непременно любит и ближнего», – говорит святитель и продолжает, как бы отвечая на вопрос евангельского законника: «А кто мой ближний?»: «Всякий человек друг другу есть ближний. Когда я помощи от тебя требую, то ты мне ближний должен быть, а когда ты помощи от меня требуешь, то я тебе ближний должен быть»[2]. А потому «не родство, но нужда и бедность, не близость крови и плоти, но союз любви и милосердие делает нас ближними». Сам Христос, Сын Божий, по мысли святителя, «видя нашу бедность, сотворился ближним нашим». Наоборот, «имени сего – ближний – отрекаются те, которые, видя бедность человека, хладно или, паче, безстыдно говорят: «Что мне до его нужды?» Тем более «те, которые не только не помогают бедным, но и безчеловечно их последнего лишают».

Подробно говорит святитель Тихон о «причинах, поощряющих нас к любви взаимной». Любовь к ближнему есть выражение нашей любви к Богу (1Ин 4:20-21). Все люди друг другу братья, как имеющие «единого Отца Бога, единого Христа Сына Божия и единого Духа Святого, единого Триипостастного Бога Промыслителя, Законоположника и Судию»; как имеющие и единого родителя по плоти – Адама; как причащающиеся единых Святых Таин, слушающие единое слово Божие, как члены единого тела Христова – святой Церкви. Тот, кто нелицемерно любит ближнего, «истинный Христов ученик есть» (Ин 13:35) и «пребывает в Боге» (1Ин 4:16). Тогда как без любви (и к Богу, как было сказано выше, и к ближнему – и. Н.) прочие дарования ничего не пользуют нам, ибо, по святому Иоанну Златоусту, «любовь более всех жертв и приношений, и никакой жертвы не приемлет Бог без любви»[3]. Того, кто не любит ближнего, святой апостол Иоанн Богослов прямо называет *человекоубийцей*[4] (1Ин 3:15) и пребывающим в смерти (1Ин 3:14). Напротив, «общее благополучие от взаимной любви процветает. О, коль благополучно жили бы все, ежели бы друг друга взаимно любили! – пишет святитель. – Не было бы тогда воровства, разбоев, убийств, насилия, обманов, лукавства, злословия, клеветы, насмешки, ругательства; не укрепляемы бы были для сохранения имений клети, не нужны были бы замки; не было бы столько плачущих, не слышались бы жалобные гласы на небо вопиющих вдовиц, сирот, бедных и беззаступных людей; не были бы наполнены темницы за долги, за векселя и недоимки сидящими узниками; не было бы, наконец, нища и убога; но все бы безопасно, покойно, мирно было. О, любы, любы, союз совершенства – любы! Коль многих мы благ лишаемся, когда тебя не имеем! С тобой все добро и благополучно, а без тебя все худо и неблагополучно».

Еще в большей степени христианская любовь проявляется в заботе о духовных нуждах наших ближних, «ибо тело и польза телесная престает, а душевное спасение вовеки пребывает, и

---

[1] Печатается в сокращении.

[2] «Любовь, – замечает святитель, – не смотрит на лица, не разбирает чина: она там отлагает преимущества титула своего, где нужда бедного требует». Насколько был верен этому евангельскому учению великий святитель, показывает, между прочим, следующий случай. «Тихон гостил в Ельце. Однажды является к святителю бедная елецкая мещанка с пятью малолетними детьми. «У меня нет ни куска хлеба, ни копейки денег, – говорит она святителю, – да и работать не могу: утратила с ними, с детьми, силку свою. Помоги, владыка, чем можешь». Живо тронулся святитель положением семьи: мальчиков взял к себе на воспитание, остальным помог деньгами... Но замечательно: вопреки господствовавшему тогда величанию «благородием своим, именами и титулами своими» святитель не оставлял и потом, когда приезжал в Елец, лично навещать бедную мещанку. Когда не застанет хозяйку дома, оставит деньги на столе и уйдет».

[3] «Что пользует молитва без любви? – вопрошает святитель Тихон. – Что славословие и пение? Что созидание и украшение храмов? Что умерщвление плоти, когда ближний не любится? Весьма ничтоже... К таким Христос с высоты отвещает: пойдите научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы» (Мф.9:13).

[4] Святитель усиливает, раскрывает это часто лишь метафорически воспринимаемое именование. «Не токмо тот убийца, который руками, мечом или каким другим оружием убивает, но и который путь к смерти стелет или не избавляет от смерти, когда может. Не помогаешь утопающему в воде, когда можешь: убийца есть. Не пущаеши в дом твой от мраза трясущегося: убийца есть. Отнимаешь у ближнего твоего одежду, которой одевается, отнимаешь пищу, которой насыщается: убийца есть. Клевещешь и злословишь ближнего твоего: как мечом, уязвляешь его языком твоим. И ты, и другой, и третий не помогли ему в бедствии его, погибели его виновны, ибо могли отвратить погибель его помощью своей, но не хотели; не хотели, понеже любви не имели»

[5] И в первую очередь к проблеме такой духовной помощи относится ответ святителя на вопрос воображаемого собеседника: «Я де сам грешник: как мне других увещевать?» «Правда, – отвечает святитель, – никто без греха. Но ты в таком случае подражай доброму лекарю, который иногда сам недомогает, но больного лечит. А когда такую любовь и милость покажешь ближнему твоему, то и сам от Бога получишь, по оному: блаженны милостивые, ибо они помилованы будут (Мф. 5:7). Любовь сыщет слова, коими можешь созидать ближнего: она представит тебе способ, и ум, и язык твой направит».

ради того более о душе как нашей, так и ближнего попечение иметь должны мы, когда хощем ближнего нашего любить, как себя»[5].

Подробно говорит святитель и о плодах христианской любви, заимствуя их именования и последовательность из 13-й главы первого послания святого апостола Павла к Коринфянам. «***Любовь долготерпит***, – пишет святитель, – и любящий ближнего своего не отмщевает ему за обиду нанесенную, но великодушно сносит, а за обидевшего молится и ему соболезнует, причитая ту обиду общему врагу диаволу. В сем он подражает Христу, молящемуся: *Отче! отпусти им: не ведят бо, что творят* (Лк 23:34). ***Любовь милосердствует***, и любящий ближнего своего страждущему сострадает, с бедствующими бедствует и тщится помощи бедствию его, не щадит себя, чтобы ближнего бедствию пособить, и так бедствие его, а свое благополучие с ним пополам делит. К сему всех нас увещевает Христос: *Будите милосерди, якоже Отец ваш небесный милосерд есть* (Мф 5:48). ***Любовь не завидит***. Зависти дело есть о благополучии ближнего скорбеть и о радости унывать. В любви язва сия душевная не имеет места: она счастье ближнего и несчастье за свое вменяет, с плачущими плачет и с радующимися радуется (Рим 12:15). ***Любовь не превозносится, не гордится***. Гордости дело есть ближнего презирать, себя возвышать. Любы не так: она себя уничижает, других выше себя ставит, всех почитает, перед всеми смиряется, высшим послушна, равным учтива, низшим снисходительна; прежде себя, нежели других, осуждает, себя укоряет, а не других, как и апостол пишет: *друг друга честию больше себе творите* (Флп 2:3). ***Любовь не безчинствует***, но и срама не боится ради любимого, она не стыдится одеянного в рубище, хотя сама порфирой и виссоном украшена; не стыдится в темницу смрадную войти, хотя сама в чертогах обитает. Так Христос, Сын Божий, сокрыл величество Божества Своего под плотью человеческой, чтобы так удобнее мог бедствию нашему помощи. ***Любовь не ищет своего***. Истинная любовь тщится с радостью и веселием любимому благотворить, и благотворить без всякой своей пользы. Она в сем уподобляется плодовитому дереву, которое плодами своими не себя, но других питает; уподобляется солнцу, которое не себе, но нам светит и нас согревает; или паче последует вечной оной и несозданной Любви и Благости, Которая вся благая нам подает без всякой Своей корысти. Истинная ***любовь не раздражается***[6], не гневается на ближнего, хотя от него и обиду примет. И не только за обиду не воздает, но и в сердце гнева не имеет на обидевшего. И так не токмо не делает, но ***ниже мыслит зла***. Хотя иногда и являет гнев свой, но гнев тот стремится на грехи, а не на человека. Таковой гнев пастырям и начальникам есть нужный. Их дело есть собственную свою обиду кротко претерпевать, а когда закон Божий нарушается и ближнему обида наносится, за то крепко стоять, не молчать, а насильников усмирять. ***Любовь не радуется, а болезнует о неправде***, когда ближнему обида делается, понеже она ближнего благополучие и злополучие за свое вменяет[7]. ***Любовь радуется о истине***. Так радуются ангелы святые и все угодники Божии, когда грешники каются о грехах своих и добрые дела творят. ***Любовь вся любит***, добрых и злых не выключает от благоволения и благотворения своего, в чем подражает Небесному Отцу, Иже *солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя* (Мф 5:45). ***Любовь всему веру емлет***. Любовь бо есть чистосердечна, не лукава, не лестна, и ради того, какова сама, так и о прочих мнит и подозрения не имеет. ***Любовь вся уповает, вся терпит, любы николиже отпадает***. Ныне верные веруют, надеятся и любят; но в будущем веке увидят, что веруют, получат, чего надеются, и только любовь не престанет, ибо Бога будут видеть во веки, Которого будут любить; и друг с другом совокупно будут во веки, и так друг друга будут любить. – Сими плодами Бога и ближнего любящая душа изобилует! В себе смиренна, но от Бога превознесенна; вне убога, но внутрь богата; вне презренна, но внутрь почтенна; от мира умалена, но от Бога возвеличена!» – так оканчивает свою песнь христианской любви святитель Тихон.

Отличительное свойство христианской любви к ближнему святитель видит и в том, что она должна быть согласна с любовью к Богу и законом Божиим. «В противном случае, – пишет он, – любовь к человеку должна уступить любви Божией. Бога бо должно любить паче всякого создания, паче всякого человека и паче себя самого».

Наконец, как и любовь к Богу, любовь к ближнему «должна быть в сердце, а не на языке. В сердце имеет любовь, кто, видя нужду ближнего, помоществует ему». Если же сердце не согрето

---

[6] Святитель часто повторял «свою любимую мысль, что «все от нелюбви»; что «если бы была у нас любовь, не было бы нищих и убогих, люди не ходили бы в рубищах и полунаги: любовь бы их приодела; не скитались бы без домов: любовь не допустила бы их до того, но дала бы им место упокоения».

[7] И. Ефимов вспоминает историю, имевшую место уже при преемнике святителя по кафедре. «Два родных брата, из церковнослужителей, по оклеветанию, отданы им были в военную службу и отосланы в далечайшие пограничные места. Уже немалое время тому минуло. Однажды преосвященный (святитель Тихон) ходил за монастырем, углубленный в душеспасительные размышления, и внезапно повидел оных церковных малых детей, сидящих в рощице (которая близ монастыря была) плачущих и рыдающих. Убежден будучи жалостью и состраданием, подошел он к тем малолетним детям и спросил о причине их слез. Разведав обстоятельства о доносе и обвинениях и нашедши наказание их неправедным, вступился он за сирот и приложил все старание взыскать оных церковников и возвратить из службы... Что же? Ведь старательством его церковники те были из службы возвращены и к своим местам определены».

любовью, то лишь внешнее благочестие не принесет пользы. Молитва, пост, украшение храмов, по мысли святителя, сами по себе похвальны, но лишь как орудия стяжания любви, «которая в сердце кроется, а из дел познается».

Высочайшим подвигом, уподобляющим подвизающегося в нем Самому Спасителю, является любовь к врагам, под которыми «разумеются те люди, которые нам словом или делом какие-либо озлобления делают». И они, имея нужду в нашем прощении и молитве, да не вменится им вражда к нам, являются нашими ближними.

«Трудная, признаюсь я, – говорит святитель, – трудная вещь есть – растленному нашему естеству любить врагов, но сего должность христианская требует».

О самой возможности любви к врагам святитель пишет, как бы отвечая воображаемому собеседнику, говорящему: «Невозможно – де мне любить врагов и добро творить им». «Неправда. Возможно было Давиду, который плакал о погибших врагах своих Сауле и Авессаломе. Возможно было святому Стефану, который за врагов своих, побивающих его камением, молился: *Господи, не постави им греха сего*. Возможно было и всем святым, убо возможно и тебе. Ты человек, и они человеки были; ты немощен, и они немощь туюжде имели».

Помимо общих побуждений к любви к ближнему, святитель особо приводит «причины, которые возбуждают нас к люблению врагов наших». Любить их «Христос повелевает, воля Небесного Отца от нас хощет, вечная Божия правда требует». Через исполнение этого повеления любящий врагов своих уподобляется Самому Христу и становится сыном Божиим по благодати, «ибо таковой нрав Небесного Отца на себе изобразует, Который *солнце Свое сияет на злыя и благия*». Любовь к врагам есть высшая степень любви, и «христианская добродетель не в том состоит, чтобы токмо любящих любить, но всех без своей пользы». Научаясь этому, христианин самого себя побеждает, и «победа сия преславная и славнейшая есть, нежели грады и государства побеждать». Подвигают христианина любить своих врагов примеры святых угодников Божиих. Понуждающий себя любить врагов получает пользу и для жизни нравственно-аскетической: «Враги наши нас смиряют, – пишет святитель, – гордость, тщеславие, самолюбие наши низлагают, приводят нас в познание себя самих и немощи нашей, возбуждают нас к молитве усердной и так, хотя не с сим добрым намерением гонят нас, душевными благими обогащают нас, когда злобу их любовью побеждаем». И совесть наша «спокойнейшая бывает, когда не мстим врагам. Как огонь огнем не гасится, – говорит святитель, – так гнев гневом не побеждается; враг наш истинный есть диавол, против него и надо вооружаться». Людям же, «которые хитростью его прельщаемы, гонят, должно духом любви соболезновать, что его слушают». Тем более, что действуют они не без попущения Божия и «суть аки бич, имже Бог нас наказует», призывая к покаянию и исправлению. «К тому же, часто бывает, – повторяет святитель общую святоотеческую мысль, – что враги наши после жалеют и каются, что гнали и озлобляли нас», и через это получают прощение, а мы, не зная этого и осуждая Богом уже оправданных, сами подпадаем осуждению. Но даже если этого не происходит, все равно «жалеть более должно о врагах, а не гневаться на них, ибо более гонят себя, а не нас, и более губят себя, нежели нас»[8]. Святитель на подлинно христианскую любовь смотрит уже не как на чувство (так или иначе всегда страстное), а как на свойство души: стяжавший ее человек уподобляется печи, которая отдает свое тепло всякому, кто оказывается рядом с ней: согретая любовью, стяжавшая ее душа источает ее всем». Такая любовь, в отличие от естественного, врожденного чувства, есть именно свойство души, преображенной благодатью Божией[9]. Но для стяжания такой любви необходим труд, который некоторым может показаться непосильным. И святитель, как бы обращаясь к таковым, говорит: «Дети, учащиеся книжному чтению, прежде научаются литер, потом складу, а далее и читать научаются. Так христианам первее должно научиться добро за добро воздавать, что есть благодарность; потом зло за зло не воздавать, обиды за обиду и не отмщевать ни словом, ни делом обидевшему; а далее, и врагов любить, и добро творить ненавидящим, и добро за зло воздавать. Сия есть лествица, которой христиане восходят к совершенству, то есть к любви врагов».

---

[8] «Во враге твоем вражда и злоба достойны ненависти, – увещает святитель, – сам же он достоин любви». И. Ефимов пишет: «Преосвященный такие имел свойства души, что когда его ругали, поносили, порочили и клеветали, он только горько плакал о таковых; сожалея о них, он виновником всего поставлял врага Божия и христианского, диавола. А когда кто из таковых, очувствовавшись, с признанием виновности своей просил у него прощения, то, бывало, обнимет его с радостными слезами, целует его и прощает от сердца, любовью наполненного». Так было с одним капитаном, который, тайно оставив жену и детей, более года неотлучно жил со святителем и пользовался его любовью и доверием. Но имея только вид благочестия, этот человек однажды, подделав подпись святителя, послал ко многим его благодетелям письма, как бы от лица святителя, с просьбой о вспоможении ему ввиду якобы предполагаемой поездки на родину. Обман раскрылся, однако «преосвященный, будучи любовен ко всем, и к самим врагам, по Христову словеси, от сущего смирения простил ему и терпеливо все от него снес. Но как он лжи и обмана терпеть не мог, и хотя был кроток, смирен сердцем и великодушен, однако на глаза к себе обманщика и лживого не мог допустить, а на письмо его отписал к нему».

[9] И. Ефимов вспоминает о святителе: "Случалось, что когда он сам своими руками раздавал деньги бедным, коих иногда довольное собиралось количество, и узнавши нужды каждого, иному даст больше, а другому меньше, то сей, возроптав за лишнее другому подаяние, в глаза начинал бранить преосвященного и именовать весьма непристойными словами: но преосвященный не только чтоб оскорбляться на таковых ругателей, но улыбаясь, как бы на малых детей, давал иногда ответ таковой: "Ну, брани, брани больше!" Потом и еще таковому придаст, для того единственно, дабы, удовольствуясь подаянием, пошел безропотно от него".

Игумения Феофания и блаженная Асенефа

Знакомясь с подробностями житий человеков Божиих, снискавших славу еще при жизни земной, щедро делясь с ближними плодами благодатными, обретенными в подвиге и неустанной молитве, находишь немало примеров того, как Промыслом Господним, те у кого имя Отца уже начертано на челе их, провидят и окормляют тех, кому еще только суждено пройти путем узким и облечься в человека нового. Вот и в скромную келью Затворника Задонского Георгия длань Всевышнего не раз направляла нуждавшихся в укреплении и ободрении соискателей мира горнего. О чем-то рассказано в его житии, а что-то мы узнаем из житий иных подвижников благочестия, сподобившихся в начале своего пути припасть к живительному источнику бесед и наставлений в отшельнической келье Затворника. Так было и с двумя насельницами Горицкого монастыря, чьи имена впоследствии оказались вписаны на страницы истории Русской Православной Церкви.

Славно было в середине XIX-го столетия имя игумении Феофании (Готовцевой), основательницы и первой настоятельницы Санкт-Петербургского Воскресенского женского монастыря, начавшей свой иноческий путь в Горицкой обители во имя Воскресения Христова.

В миру — генеральская вдова, она была лично известна Царствующему Дому и весьма уважаема при дворе. Не случайно игумения Воскресенского монастыря была постоянной восприемницей при крещении и миропомазании Высочайших особ. В то же время она проводила жизнь скромно, в постоянных трудах и молитве. Много она благотворила и помогала бедным и сирым, сестер обители неустанно наставляла к богоугодной жизни, собой являя первый в том пример. Была не лишена литературного дарования, поддерживала переписку по вопросам духовным со многими известными столпами Церкви того времени, включая прославленного ныне в лике святых архиепископа Воронежского и Задонского Антония II (Смирницкого). Скончалась игумения Феофания с молитвой на устах 16 мая 1866 года.

Игумения Феофания (Готовцева), основательница и первая настоятельница Санкт-Петербургского Воскресенского женского монастыря

А в 1835 году, будучи еще рясофорной монахиней, матушка Феофания ездила вместе с матерью Варсонофией в Воронеж, поклониться мощам св. Митрофана. Питая глубокое благоговение к Антонию, славному своей молитвенной и подвижнической жизнью Воронежскому архипастырю, она не преминула нанести визит почитаемому архиерею. Они были знакомы и ранее. Феофания удостоилась его расположения с тех пор, как еще в 1818 году была в Киеве, когда будущий владыка находился в достославной Лавре и нес послушание начальника Киево-Печерской типографии. С той поры она имела счастье пользоваться его спасительными наставлениями, как во время продолжительных бесед, так и по переписке. Отпуская гостью, владыка благословил ее образом святителя Митрофана и назвал при том «игуменией». Феофания попыталась было исправить показавшуюся ей случайной оговорку высокопреосвященного, но тот, несмотря на ее отрицания, настойчиво повторил, что «таково произволение воли Божией».

Из Воронежа мать Феофания отправилась в Задонск, прославленный пребыванием здесь святителя Тихона, к назидательным сочинениям которого она питала искреннее уважение.

Как раз в то время уже общероссийскую известность получил подвизавшийся в Задонском Богородицком монастырес Георгий Алексеевич Машурин. А потому горицкие паломницы осмелились постучать в дверь его отшельнической кельи, надеясь услышать слово на пользу. И хотя, удалившись в строгий затвор, он очень редко принимал кого-либо из многочисленных

посетителей, желавших его видеть, но монахинь Феофанию и Варсонофию принял очень ласково и обращаясь к матери Феофании приветствовал ее словами: «Как я рад, что познакомился с игуменией».

— Я не игумения, а только рясофорная послушница, — сказала мать Феофания. Но Георгий опять повторил: «Нет, я рад что познакомился с игуменией. Еще ваша жизнь впереди, матушка, а что Богом назначено, того не минуешь».

Усладив своею духовною беседою смиренных монахинь, он простился с ними и подарил матери Феофании книгу и платок.

Отходя от жилища Георгия Затворника, мать Феофания раскрыла подаренную книгу и увидела что в нее положена синяя пятирублевая ассигнация. Полагая, что Георгий забыл ее вынуть, мать Феофания поспешила вернуться, чтобы возвратить ему деньги.

«Матушка, это вам на дорогу пригодится и платок тоже», — сказал Георгий.

Последствия доказали всю верность предвидения подвижника Георгия. Ровно через десять лет мать Феофания была избрана игуменией для основания в Петербурге женского монастыря. Вот тогда и пришлось ей отправляться в дорогу, при чем оказалась великая нужда в деньгах и пришлось много слез отирать платком.

Явлена была Затворником Георгием дарованная ему по благодати Духа Святого прозорливость и при встрече с другой насельницей Горицкой обители — юродивой Христа ради Асенефой (Клементьевой).

Еще летом 1816 года, по благословению архимандрита Кирилло-Новоезерского монастыря Феофана (Соколова), известного подвижника XIX века, вдова Александра Алексеевна Климентьева прибыла в Горицкий монастырь и осталась в нем с тремя дочерьми. Здесь вдова приняла постриг с именем Агния. Благочестивому примеру матери последовали и дочери.

Младшая дочь Раиса попала в монастырь в 14-летнем возрасте, рано проявив склонность к тяжелому труду, строгим постам и усиленной молитве. С первых дней она удивляла сестер обители усердием, ревностно исполняя послушания: писала иконы, пела на клиросе, носила ежедневно до 40 ушатов воды, поднимаясь в гору по крутому склону берега Шексны. Пищу иногда не вкушала по 12 дней. Через 13 лет, видя в юной подвижнице особую избранницу Божию, игумения Маврикия решила постричь ее в мантию, когда той исполнилось 27 лет. При постриге ее нарекли Асенефой.

Блаженная инокиня Асенефа (в миру Раиса Клементьева)

Но как раз в день пострига мать Асенефа начала юродствовать. Стала бегать, вертеть в церкви скамейки и кричать: "давайте танцевать". Это действие оказалось первым ее пророчеством: ровно через 100 лет закрыли монастырь и в Троицком соборе устроили клуб с танцами. И в последующие дни новопостриженная проявляла буйный характер, особенно, если кто-нибудь из сестер догадывался, какой подвиг взяла на себя молодая монахиня.

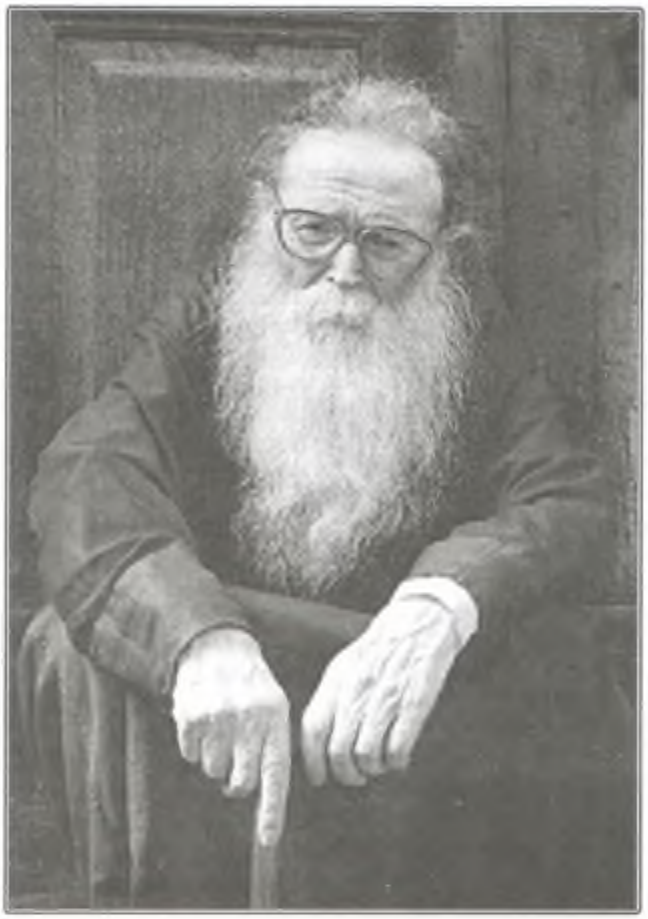
Прискорбно было ее родной матери видеть дочь безумствующей. Не понимая причины перемены в дочери, мать пыталась ее лечить. Иногда, впадая во гнев, приказывала своему бывшему швейцару запирать дочь в келье или подвале, возила ее на отчитывание к старцам. Так длилось до той поры, пока мать не стала свидетельницей встречи блаженной с задонским затворником Георгием Алексеевичем Машуриным.

Когда карета паломник из Горицы только подъезжала к Задонскому монастырю, Асенефа выскочила из нее и убежала в лес. Мать решила, что беснование дочери мешает приблизиться той к старцу. Когда же она вошла в келью Георгия Затворника, то увидела, как старец благословляет юродивую: "Ну, Асенефа, велик ты крест взяла на себя, снесешь ли его?" После этого случая мать Агния уже не беспокоила блаженную.

А блаженная Асенефа, до самой своей кончины, последовавшей в 1892 году, бережно сохраняла живописный портрет Затворника Георгия, размещенный ею среди святых образов на стенах скромной келейки.

Л. МОРЕВ

«Боже, будь со мною!»



Протоиерей Михаил Труханов

Время гонений на Церковь в советский период сегодня принято сравнивать с раннехристианскими событиями церковной истории. Но масштабы богоборческого наступления на Христову веру при большевиках были иные, неизмеримо большие. Это был период жесточайших массовых репрессий – в обществе повсеместно гнездились страх и отчаяние...

Иначе ощущали себя только верные Христу. Страх Божий, трезвость [духовная бдительность] и сосредоточенность, молитва и упование на Бога ограждали православных от уныния, отчаяния и растерянности. Избранным Своим – сердцам искренним и мужественным, всецело доверяющим Господу, неотступно и безусловно верующим в Любовь и Промысел Его, был дарован путь исповедничества и мученичества за Христа – чтобы явилась на них Слава Божия в укрепление веры и проповедь Истины как их современникам, так и нам – их потомкам...

Протоиерей Михаил Труханов (1916 - 2006 гг.) один из тех, чей земной путь – живая проповедь: проповедь несокрушимой веры и преданности воле Божией, проповедь веры в Его всегдашнее милосердие. Батюшка вспоминал: «Когда не было опоры человеческой, когда никто, казалось, мне не поможет, я говорил в своем сердце: «Боже, будь со мною!» И Господь сейчас же откликался на мою молитвенную просьбу...»

...Всю свою жизнь отец Михаил нес глубоко в сердце такую любовь ко Творцу, которая может быть дарована только Самим Богом и дана избранным Его[1] за их решимость свято верить и жить по евангельскому Слову.

Глава 2[2]

Жизненный урок освоения добродетели смирения Господь преподавал Михаилу с юности

Уже в юные годы о. Михаил сложился как твердо и глубоко верующий человек, знавший цену молитве, посту и священническому благословению. Он испил горькую чашу голода, нищеты, лишений и отвержения сверстниками только за то, что принадлежал к сословию «врагов народа». Горечь обид порой была столь велика, что, казалось, не хватит веры, чтоб ее побороть. Тем не менее, он учился старательно и настойчиво, молитвой смирял свое сердце от негодования на сверстников и несправедливости тех, кто имел власть давать учебу и работу или не давать...

О своем «особом» положении в школьные годы отец Михаил вспоминал: «В десятых или двадца-

[1] Речь идет о тех, кто избирает верность Богу.

[2] Печатается в сокращении на основе книги протоиерея Михаила (Труханова) «Воспоминания: первые сорок лет моей жизни» и отдельных воспоминаний келейницы старца В. А. Звонковой http:// www.omihail.ru.

тых числах ноября 1929 года я пошел в школу: был принят сразу в восьмой класс. Перед отправлением первый раз в школу папа, мама и я стали на колени перед образами, отец прочел вслух «Отче наш...», «Спаси, Господи, люди твоя...», «Царю Небесный...», «Правило веры...». Вставши с колен, обратился ко мне со словами: «Сынок! У нас нет ни богатства, ни почетного положения в обществе. Ты не можешь надеяться ни на что мирское. Знай же – наша надежда в Боге: «Яко с нами Бог!» Бог с теми, кто Его призывает в помощь и спасение. На тебя обрушатся насмешки и презрение товарищей по школе за мое священство. Теперь такое время... Потерпи. Молись и учись. Учись и молись. Сам Господь да благословит твое учение. С Богом иди!» Папа благословил меня, я расцеловался с родителями и зашагал в школу.

В восьмом классе утром, перед первым уроком, когда все ученики уже сидели на своих местах в ожидании учителя, староста группы Муза Григорова, представляя меня, стоявшего около нее, спрашивает: «Кто возьмет в свое звено нового ученика Мишу Т.?» Молчание. Потом кто-то крикнул: «Да это же поп, ребята!» Сразу наступило оживление в классе. Муза спрашивает:

– Первое звено, возьмете?

– Нет, попа нам не надо! Ха-ха-ха, поп!

– Второе? – спрашивает староста. И второе звено ответило с хохотом: «И нам попа не надо!» Так же третье, четвертое, пятое... Шестое звено возглавляла сама староста. Еще раз Муза обратилась к классу: «Значит, никто не хочет в свое звено новенького?» В ответ все загалдели хором: «Попов нам не надо!» И многое, многое подобное...

«Тогда садись, – говорит Муза, – за эту парту с Костей. А ты, Нюра, пересядь к нам, будем сидеть втроем». Так я получил место за второй партой от учительского стола, а на первой сидела с двумя девочками староста Муза. Вошел учитель. Я начал учиться в школе.

* * *

Выпал снег, ударили морозы, а шапкой для меня мы еще не обогатились. Мама отрезала от кошмы треугольный кусок, в углах которого приделала длинные шпагатинки. Когда я накладывал себе на голову этот кусок кошмы и стягивал шпагатом у подбородка, уши у меня совсем не мерзли. Вот только вид у меня в этой треуголке получался довольно неказистый. Особенно, когда задний угол сего головного убора высовывался хвостом у затылка. И потому мой вид вызывал постоянные насмешки со стороны школьников – «детей трудящихся», одетых побогаче, в обычные, свойственные подросткам, головные уборы и одежду.

«Треух, треух! Смотрите, ребята, какой треух у попа! Ах ты, поп, деревянный лоб. Давай, ребята, проверим – деревянный ли лоб у попа?»... И ну снежками бить меня по треухе моей, по башке. Толкнут в сугроб и закидают, бывало, меня снегом: и больно, и холодно... Раздавался звонок на урок, ребята разбегались, а я тем самым от них спасался. И, отряхиваясь, бежал на занятия в свой класс.

Стал я избегать школьников, досаждавших мне оскорблениями и побоями. Шалуны – те были из младших классов – пятого, шестого, главным образом. Приучился приходить в школу спозаранку – раньше всех, а по окончании занятий, чтобы избежать неприятностей, старался бегом преодолевать пространство школьного двора. Да и затем, всю дорогу домой, по возможности, избегал встреч со школьниками. Одиночки никогда на меня не набрасывались, а когда шалуны в кучке – почти всегда устраивалась на меня облава: погоня, шлепки, тумаки, сопровождаемые эпитетами, нелестными для моего священнического происхождения[1].

Сам по себе неказистый мой вид – в треуголке, в галошах, в заплатанных штанах и нищенской одежонке – возможно, не был бы очень заметным, если бы не вся моя жалкая фигура: низкорослый, этакий плюгавенький, сутулый мальчишка с лицом, сплошь усеянным коричневыми веснушками. Сильно стыдился я своей конопатости – и прямо-таки страдал от нее и в отрочестве, и в юности.

Но было в конопатках и положительное, особенно когда я стал взрослеть: мой внешний вид, с одной стороны, весьма надежно отталкивал от меня девушек, с другой, всегда и перед всеми смирял меня чувством стыда за свою непривлекательность. И все это в целом делало меня более отрешенным от влияния молодежи, живущей вне церкви, и способствовало привычке к уединению, сосредоточенности в занятиях, размышлению над содержанием читаемых книг и слов молитвы.

В наружной неказистости моей я усматриваю особую Господню милость ко мне, грешнику. Своим Божественным Промыслом Господь с юности как бы отстранял меня от возможных падений в нечистоту плотской жизни и преподавал мне практический урок жизненного освоения добро-

---

[1] Сверстники обычно не дружили со мной. И как-то всегда получалось так, что моими товарищами и друзьями оказывались более взрослые ребята – года на 3 и даже более старше меня, вроде Михаила Николаева и Василия Анастасиади. Подобно мне, они были христианами. Когда мне перевалило за восемнадцать лет, то только в среде пожилых христиан мне было интересно находиться; в обществе же товарищей по работе и сверстников всегда держался замкнуто. Хотя я в экспедициях часами играл в шахматы и волейбол, увлекался – к стыду моему – слушанием и говорением пустопорожней болтовни... Во всех четырех экспедициях при мне всегда бывал Новый Завет, которым отец в 1932 году благословил меня, впервые отправлявшегося в чужие края – из Туркестана в неведомый тогда еще для меня Ташкент.

детели смирения. И, если я и поныне не преодолел еще гордыни в себе, то это значит только, что я плохо усвоил преподанный мне в прошлом урок... У отца Александра Ельчанинова (+ 24.VIII.1934) имеется такая запись, почерпнутая из его опытного наблюдения: «Блаженны некрасивые, неталантливые, неудачники, они не имеют в себе главного врага – гордости, так как им нечем гордиться».

* * *

Дома о своих неприятностях от столкновения со школьниками я, разумеется, ни гу-гу... «Все проходит», – думалось мне. И действительно, вскоре после поступления в школу насмешливых или оскорбительных реплик по поводу моей веры в Бога, того, что я прислуживаю папе в алтаре и звоню в церкви, мне выслушивать уже не приходилось.

Комсомольцев в школе было двое: Костя – секретарь ячейки, с которым я сидел за одной партой, и Муза – староста класса, высокорослая, шестнадцатилетняя красавица, дочь директора железнодорожного техникума. Однажды во время перемены я сидел, согнувшись за партой, и что-то писал в тетради. Подошедшая Муза заметила у меня на шее гайтанчик и спросила: «Ты носишь крестик?» Я ответил: «Да». «И ты вправду веришь, что Бог есть?» Я также ответил: «Да». После чего о вере, о Боге она меня никогда уже не спрашивала. Костя же говорил несколько раз громогласно в классе: «Я – комсомолец и безбожник, как и мой отец, революционер».

«Блаженны некрасивые, неталантливые, неудачники, они не имеют в себе главного врага – гордости, так как им нечем гордиться»

Прот. Александр Ельчанинов

Думается, что только по молитвам моих родителей вокруг меня в школе стала создаваться атмосфера какой-то тишины. Незаметно нарастал мой личный авторитет, если можно вообще говорить об авторитете простого школьника-восьмиклассника. Началось с того, что самое авторитетное лицо в школе – завуч, всеми уважаемый пожилой преподаватель литературы, Николай Яковлевич Ельцов (по прозвищу школьников – «Окунь», из-за круглых окуляров очков) как-то сказал в классе обо мне, что он рад видеть в числе своих учеников такого восьмиклассника, какого ему не приходилось встречать за все время учительства. Сочинение мое о «Дон-Кихоте» Сервантеса читалось в классе, потом на собрании учителей, а затем демонстрировалось на общереспубликанской выставке школьных работ в Алма-Ате.

Учителя-предметники (физик, математик, химик) давали мне персональные задания, которые я добросовестно выполнял; к ответу меня вызывали лишь тогда, когда заданный вопрос не получал разрешения в ответах других учеников. Словом, обо мне в школе, что называется, заговорили. Учителя во всех классах указывали своим ученикам на меня, как на пример того, как надо учиться[2]. Присмирели и шалуны из пятых и шестых классов, больше всего поносившие и оскорблявшие меня ранее. Теперь при встречах со мною они уже, пожалуй, больше из любопытства бросали в мой адрес реплики, вроде: «Скажи, поп, отчего у тебя, говорят, башка хорошая? Неужто от того, что ты поп?» Или смеясь: «Вот, у меня голова дурная, плохо соображает, а станет она хорошей, если я в попы пойду?»

* * *

Пришел как-то домой со школы, а дома – ничего из еды! Бедствует наша семья – ни денег, ни хлеба. Мама надвязывает пятку шерстяного носка и чуть слышно поет: «Богородице Дево, радуйся...» Отец пошел к старосте – матери одного железнодорожного кондуктора – попросить пяток картофелин; получил в тот раз штук двенадцать.

– Мама! Может, мне куда на работу пойти? В ремонтники на железную дорогу берут с 16 лет... Может, мне прибавить себе лет и пойти? Вот только я больно маленький.

– Сиди уж, сынок, – возражает мне мама. – Какой из тебя работник, когда ты еле достаешь ведро воды из колодца! – и, отложив свое вязанье, задумчиво произносит: – Вот, говорят, кто сорок акафистов прочтет свт. Николаю, тот все, о чем попросит, по его ходатайству, получит от Господа Бога.

– Так я сейчас же начну читать ему акафисты! – решительно заявил я маме и, подойдя к иконостасу в переднем углу комнаты, стал читать на коленях первый раз акафист свт. Николаю...

В помещении вокзала – в зале первого класса – находился книжный магазин и киоск с газетами, журналами, школьными принадлежностями. Шесть книжных шкафов, огромные настенные витрины на ночь запирались, и к ним вплотную придвигались широкие прилавки, отгораживающие пространство магазина от зала. Заведовал всем этим хозяйством некий сорокалетний Исаак Вольфович Скляр. Его сынишка Семушка учился во втором классе той же школы, в которую посту-

[2] Заметить надобно, что за весь учебный год в школе не проводилось ни одного классного или общешкольного собрания и не было никаких родительских собраний, никаких торжественных вечеров, столь умножившихся впоследствии.

пил и я. Случилось так, что учительница второго класса рассказала на уроке, какое хорошее сочинение написал один ученик в восьмом классе, все должны так же хорошо учиться, как он.

Семушка, придя домой, тут же рассказал отцу, на что отец (сам будучи, кстати, не шибко грамотным) внушительно изрек: «Послушай, Семушка, Миша так учится в восьмом, что его хвалят и во втором; вот и ты, так учись во втором, чтобы тебя похвалили в восьмом. Слышишь, Семушка!»

Усадьба молитвенного дома была неподалеку от станционных путей, на стороне, противоположной зданию вокзала, а корпуса школы находились примерно в полукилометре от самого вокзала. Поэтому мне приходилось всегда шагать по путям и проходить через помещение вокзала. Мальчишеское любопытство к книгам и журналам (которых из-за отсутствия денег я, конечно, покупать не мог) приводило меня в помещение первого класса. Там я стоял с четверть часа и издали посматривал на стеллажи, витрины и прилавки с выставленными изданиями. Так было почти повседневно.

И вот меня, стоявшего у прилавка книжного магазина и посматривающего на недоступные книги и журналы, спрашивает хозяин магазина: «Миша, хочешь заработать деньги?» И не дожидаясь моего ответа, Исаак Вольфович вышел из-за прилавка ко мне и стал шепотом объяснять, что из Управления Союзпечати г. Ташкента поступило указание произвести на первое число полную инвентаризацию и выслать в двух экземплярах списки всех наличных изданий вместе с отчетом о деятельности магазина и киоска за прошедший год: «Если ты сделаешь мне за пять дней, чтобы мне нагоняя не было, я тебе тридцать рублей заплачу. Согласен? Работать будешь после школы до двенадцати ночи. Согласен, скажи? Тридцать рублей хочешь? Завтра же приступай работать со мной. Слышишь?»

Пообещав поговорить с мамой, я побежал домой. Прямо с порога на радостях говорю, что Исаак Вольфович предлагает поработать пять дней за тридцать рублей.

Мама перекрестилась и заплакала. Отец, перекрестившись, спросил меня: «Сколько ты акафистов прочитал свт. Николаю?» Я ответил: «Тридцать восемь; сегодня читать должен тридцать девятый». Отец мне и говорит: «Вот видишь сам теперь, как помогает свт. Николай. Всегда ему молись, сынок!» Перекусив, я стал читать акафист, а папа и мама рядом со мною молились, стоя на коленах.

Провожая меня в школу следующим утром, мама говорила: «Я тебя буду ждать в вокзале, если задержишься и до часу, и до двух ночи...»

Через пять дней я получил впервые в жизни заработанные тридцать рублей. Это было весьма кстати для нашей бедствующей семьи. Так мы получили тогда помощь ходатайством свт. Николая и чаще прежнего стали благодарно воспевать ему: «Радуйся, Николае, великий Чудотворче!»

* * *

На большой перемене все учащиеся получали бесплатный завтрак за счет профсоюза железнодорожников. Приносили в класс эмалированное ведро или кастрюлю с горячим и сладким кофе; по кружке раздавали каждому школьнику с куском хлеба (около 200 гр.) с сыром или с колбасою. Мои родители не были железнодорожниками, поэтому, конечно, мне завтрак не выдавали, и я по большим переменам обычно выходил из класса в полутемный коридор, где съедал тот кусочек хлеба, который приносил из дома. Следует помнить, что в эти годы, как уже говорилось выше, «лишенцы» не имели хлебных и продуктовых карточек, а потому мы очень бедствовали во всем; так что не всегда мама могла мне дать в школу даже корки хлеба, а дома, перед уходом в школу, я вообще никогда не ел...

Как-то в конце уроков староста Муза мне потихоньку сказала:

– Ты завтра не уходи из класса во время большой перемены – будешь с нами завтракать. Я тебя вписала в списки получающих завтраки». На что я недоверчиво спросил ее: «А тебе за это не попадет?» Она мне ответила: «Мне – попадет? Что ты!»

Таким образом, со следующего дня я, как и все другие школьники, получал бесплатный завтрак. И как же эти завтраки поддерживали меня в то время! Отец и мать радовались за меня и благодарили Бога.

По окончании восьми классов, в четырнадцать лет, мне пришлось устраиваться на работу. Расставшись тогда со школьными товарищами, я больше ни с кем из них не встречался. И ничего о них никогда не слышал. Потому и не знаю, как учились дальше, как сложилась последующая жизнь у ближайших моих товарищей по школе – Кости и Музы. Мне теперь уже почти восемьдесят лет. И всегда с благодарностью вспоминаю Костю – рослого красивого парня, несколько раз буквально отбивавшего меня от нападавших на меня мальчишек; и Музу, которая в голодное время оказала мне милосердие – обеспечила школьными завтраками. С тех пор, как я священствую, за каждой Литургией всегда кладу на дискосе и частицу о душе благотворительницы Музы: «Прими, Господи, молитву мою о Музе и прости грехи ее за то добро, что некогда она сделала мне!»»...

(Продолжение следует...)

Уроки жизни

РЕСТАВРАТОР

Недалеко от Троице-Сергиевой лавры, в селе Иудино, что на старом Угличском тракте, на погосте храма Рождества Христова есть могила Павла Александровича Кужарина.

П.А. Кужарин – каменщик-реставратор с сорокалетним стажем и огромным опытом восстановительных работ церковных зданий. До 1992 года трудился в Троице-Сергиевой лавре. С 1992 года до конца своей жизни (1996 г.) работал бригадиром реставраторов на восстановлении почти полностью разрушенного храма Рождества Христова села Иудино Сергиево-Посадского района Московской области. Это была, как говорится, его «лебединая песня»...

Храм Рождества Христова села Иудино Сергиево-Посадского района Московской области, 1991 г.

Характера Павел был авторитарного, знал себе цену, был независимого поведения. Хотя всю жизнь проработал реставратором на храмах, тем не менее, не имел никакого представления ни о православном храме, ни о православной вере. Один из настоятелей уже действующего, но еще реставрируемого храма, сделал как-то ему замечание за то, что реставратор сидел на лесах внутри храма и перекуривал. В ответ Павел вспылил, что-то резкое ответил и вообще бросил работу в том храме: мол, вот *он* – рабочий человек, которого требуется уважать, а вы-то кто тут?

На храме Рождества Христова он долго не соглашался работать. Хотя его очень уговаривали – потому что тот вид работ, которые требовалось выполнить: восстановление разрушенного свода трапезной – большого по пролету (нужно было знать приемы и понять секреты кладки стен, возведенных старинными мастерами, чтобы свод не рухнул), двусторонняя вычинка по всему периметру здания и многое-многое другое – требовали сугубой ответственности и вдумчивого кропотливого труда. И выполнить это грамотно, кроме Кужарина, из имевшихся в то время в поле зрения настоятеля доступных мастеров, вряд ли кто смог бы. Неожиданно Павел Александрович согласился работать. Работал он очень ответственно, мастерски, – свод медленно, но уверенно продвигался к завершению.

Но вот женщина, которая кормила рабочих обедами, заметила, что Павел Александрович стал всё чаще отказывается от еды, начинал выбирать, что будет есть, чего не будет. А потом сказал настоятелю, что у него обнаружили рак желудка в запущенной стадии и что ему нужно срочно ложиться на операцию в Балашиху (где находится известный онкологический центр). Сын у него был врачом, поэтому устроил отца туда быстро. Настоятель объяснил ему, что, обычно, в таких случаях, православные люди готовятся не только телесно, но и духовно – исповедуются, причащаются, соборуются. И спросил при этом, когда Павел Александрович последний раз причащался? Тот ответил, что никогда. Тогда священник предложил ему исповедаться и причаститься, посильно подготовившись, и, предполагая его смущение, как это почти всегда бывает у новоначальных людей в пожилом возрасте, посоветовал причаститься не в воскресенье, когда в церковь приходит много народа, а в среду, на Литургии Преждеосвященных Даров (шёл Великий пост), – народа будет меньше. Павел Александрович так и сделал: причастившись первый раз в жизни, вскоре отправился в больницу.

Мобильников тогда не было, поэтому о состоянии его здоровья настоятель справлялся через жену, которая все время отвечала, что операцию не делают, потому что все еще обследуют и собирают анализы. Прошла первая неделя, затем вторая, третья, а ответ был одним и тем же. Настоятель недоумевал: первоначально операция планировалась сразу же после госпитализации больного. Анализы были сделаны заранее с помощью его сына, кроме того, лечение в онкоцентре – дело дорогостоящее, поэтому пребывание Павла Александровича в больнице «просто так» казалось странным.

В конце третьей недели неожиданно в храме появляется сам Павел Александрович: худой, спокойный, радостный и сообщает, что его выпустили из больницы без операции, так как «рак зарубцевался». Хотя перед больницей говорилось, что удалять у него будут более половины желудка.

Вскоре Павел, как ни в чём не бывало, приступил к работе. Ел всё приготовленное и полностью выздоровел.

Однако в августе кухарка вновь стала обращать внимание на его разборчивость в еде, и на то, что он стал более раздражительным и беспокойным. Священнику же он как-то сказал, что, «рак вернулся». А вскоре стала явной и духовная причина возвращения болезни. Один из работавших с ним прихожан вспомнил, что как-то, ещё до возвращения болезни, Павел Александрович сказал в разговоре: «Меня вылечила урина». И пояснил, что его сын-врач дал ему модную книгу по уринотерапии, которую тот изучил и стал применять «на деле». Конечно, сама по себе эта странная методика, возможно и не привела бы к печальному результату – возвращению рака – но тут важно не само вещество, а вера – не в действие благодати церковных Таинств, а в ...мочу. И это бы ничего: Господь милостив, и мог бы «с улыбкой», как на неразумное дитя, посмотреть на «детское заблуждение» Павла Александровича. Но, увы, – тот стал «проповедовать», противопоставляя несопоставимое: благодать Божию, и ....?! Конечно, в результате такой «веры» болезнь не замедлила вернуться – и уже окончательно.

Слава Богу, Павел Александрович всё-таки понял своё заблуждение. Снова стал исповедоваться, причащаться, правда, уже дома, потому что рак прогрессировал быстро, и Павел слёг. В последние недели он всё время просил, чтобы жена читала ему вслух Евангелие, так как сил у него уже не было. Еще одно усилие, по рассказам жены, он сделал по направлению к храму: превозмогая слабость, попытался пойти с утра на работу. Вышел на лестничную площадку, взялся за перила и остановился, теряя силы. Вернулся – и слёг окончательно.

...Похоронен он рядом с алтарём восстановленного храма, реставрацию которого он так талантливо выполнил, отдав, в буквальном смысле, на это последние силы. Но вопрос: кто кому помог больше – Павел Александрович храму, или же храм, с совершающимися в нём таинствами помог Павлу Александровичу? Конечно, великое дело, что храм снова стоит в своём великолепии. Но не более ли велика пред взором Божиим душа человека, полвека трудившегося при Божиих храмах, и, в конце земной жизни, всё-таки, с Божией помощью, прояснившего прояснившего для себя: а что же он реставрировал? Или так: кого же Господь, Который не хочет, чтобы человек умер в грехах своих (а главный грех: неверие в своего Творца – нарушение первой заповеди), «отреставрировал» таким непостижимым образом? Ведь главный храм на земле – это, по слову Господа – сам человек.

Храм Рождества Христова села Иудино Сергиево-Посадского района Московской области, 2009 г.

Могила раба Божия Павла всегда видна из южного окна главного алтаря храма Рождества Христова, и его бессмертная душа на каждой Литургии омывается Кровию Спасителя в образе просфорной частички, вынимаемой о упокоении раба Божия Павла.

Протоиерей Владимир Янгичер,
настоятель храма Рождества Христова
села Иудино Сергиево-Посадского района
Московской области.

Уродливый

Каждый обитатель квартиры, в которой жил и я, знал, насколько Уродливый был уродлив. Местный Кот. Уродливый любил три вещи в этом мире: борьба, поедание отбросов и, скажем так, любовь. Комбинация этих вещей плюс проживание без крыши оставила на теле Уродливого неизгладимые следы. Для начала, он имел только один глаз, а на месте другого зияло отверстие. С той же самой стороны отсутствовало и ухо, а левая нога была когда-то сломана и срослась под каким-то невероятным углом, благодаря чему создавалось впечатление, что кот все время собирается повернуть за угол. Его хвост давно отсутствовал. Остался только маленький огрызок, который постоянно дергался...

Если бы не множество болячек и желтых струпьев, покрывающих голову и даже плечи Уродливого, его можно было бы назвать темно-серым полосатым котом. У любого, хоть раз посмотревшего на него, возникала одна и та же реакция: до чего же уродливый кот. Всем детям было категорически запрещено касаться его. Взрослые бросали в него камни. Поливали из шланга, когда он пытался войти в дом, или защемляли его лапу дверью, чтобы он не мог выйти.

Уродливый всегда проявлял одну и ту же реакцию. Если его поливали из шланга – он покорно мок, пока мучителям не надоедала эта забава. Если в него бросали вещи – он терся о ноги, как бы прося прощения. Если он видел детей, он бежал к ним и терся головой о руки и громко мяукал, выпрашивая ласку. Если кто-нибудь все-таки брал его на руки, он тут же начинал сосать уголок рубашки или что-нибудь другое, до чего мог дотянуться.

Однажды Уродливый попытался подружиться с соседскими собаками. В ответ на это он был ужасно искусан. Из своего окна я услышал его крики и тут же бросился на помощь. Когда я добежал до него, Уродливый был почти что мертв. Он лежал, свернувшись в клубок. Его спина, ноги, задняя часть тела совершенно потеряли свою первоначальную форму. Грустная жизнь подходила к концу. След от слезы пересекал его лоб.

Пока я нес его домой, он хрипел и задыхался. Я нес его домой и больше всего боялся повредить ему еще больше. А он тем временем пытался сосать мое ухо. Я прижал его к себе. Он коснулся головой ладони моей руки, его золотой глаз повернулся в мою сторону, и я услышал мурлыкание. Даже испытывая такую страшную боль, кот просил об одном – о капельке любви! Возможно, о капельке сострадания. И в тот момент я думал, что имею дело с самым любящим существом из всех, кого я встречал в жизни. Самым любящим и самым красивым. Никогда он даже не попробует укусить или оцарапать меня, или просто покинуть. Он только смотрел на меня, уверенный, что я сумею смягчить его боль.

Уродливый умер на моих руках прежде, чем я успел добраться до дома, и я долго сидел, держа его на коленях. Впоследствии я много размышлял о том, как один несчастный калека смог изменить мои представления о том, что такое истинная чистота духа, верная и беспредельная любовь. Так оно и было на самом деле. Уродливый сообщил мне о сострадании больше, чем тысяча книг, лекций или разговоров. И я всегда буду ему благодарен.

У него было искалечено тело, а у меня была травмирована душа. Настало и для меня время учиться любить верно и глубоко. Отдавать ближнему своему все без остатка.

Большинство хочет быть богаче, успешнее, быть любимыми и красивыми. А я буду всегда стремиться к одному – быть, как Уродливый...

Автор неизвестен

Христианская поэзия

Огонь апостольской любви

Апостолы, свидетели Христа –
Его сияли отраженным светом.
Так родниковая озерная вода,
Искрясь лучами солнца летом,
Зеркальной гладью отражает небеса...
Источником им предстояло стать,
Передавая нам святую Благодать.

С евангельских высот к земле сошла
Бессмертной, новой, жизни глубина –
Как хлеб спасительный нужна.
Через Апостолов она открылась нам...
Когда в сердцах любовь и чистота,
Они способны жаждущему миру
Нести духовного прозренья силу.

Их презирали, гнали, избивали...
Но скорби – масло для огня Любви.
И радостью своей делясь с людьми,
Они, рискуя всем, свидетельство несли.
За проповедь о Жизни, о Христе
Жестокая всех ожидала смерть –
Как и Его – в страданьях на Кресте.

Господь на жертвенной святой крови
Столп истины для нас воздвиг –
Несокрушимо стойкий, как гранит.
Огонь ликующей апостольской любви –
Живой и творческой – еще горит.
Любовь и Крест Апостолов века
Влекут людей в небесный свет Христа.

Маргарита Сурикова

Путь воина

Путь воина Христова узок и тернист,
Как и должно быть в труднопроходимом месте.
Но, а за то, наградой в том пути – Христос-Жених
Твоей прекраснейшей душе-невесте.

И тяжко будет нам нести свой крест,
Хоть будешь ты один, иль мы с тобою будем вместе.
Но крикни из последних сил: «Христос Воскрес!»,
И отзовется в небеси: «Христос Воскресе!»

Коль стал на путь, то следуй за Христом.
И даже, если вдруг найдет сомненье,
Твори Иисусову молитву и пройдет
Любое в твоей жизни искушенье.

Да, будет тяжко. Что поделать, брат?
Не лёгко время воина Христова.
Игумен рекл: «Награда вам на Небесах»,
А что до крови биться – это нам не ново.

Иди, солдат, не сбейся лишь с пути!
Хоть сильно ты устал и на душе тревога.
И легче будет тем путем тебе идти,
Когда отцом духовным пред тобой протоптана дорога.

* * *

Любовь откроет двери рая.
Любовь покроет все грехи.
Любовь всех милует, прощает.
Любовь как можешь береги...

Лишь ей одной душа живится.
Лишь ей одной душа поет.
С ней пролетишь всю жизнь как птица.
С любовью Пасха круглый год!

* * *

Добро соделано тобою,
В сто крат получишь ты назад.
И наградит Господь любовью –
Не даст сойти она во ад.
Вздохни за всех ты без лукавства,
Чужую грусть примерь себе.
Наследник будешь с Богом Царства
И благодатен на земле.

Трудник Задонского монастыря N.

Детские страницы

Урок 3:

Заповеди и Хлеб Небесный

Заповеди и манна

Дорогие ребята! Мы уже говорили о святом Аврааме, которому Триединый Господь обещал рождение сына. Божие слово исполнилось. Правнуков, праправнуков и далеких потомков Авраама было так много, что получился многочисленный народ – еврейский народ. Прошли годы, и этот народ попал в большую беду. Оказались евреи – потомки Авраама – в Египте, и было их уже больше миллиона человек, и все они стали рабами у египтян. Выполняли они самую тяжелую работу: копали каналы, строили дворцы. Египтяне били евреев, а их новорожденных сыновей топили в реке.

Но вот один еврейский мальчик был спасен из воды дочерью фараона – египетского царя. И назвали его Моисей, что значит «вынутый из воды». Вырос Моисей, и однажды явился ему Бог и повелел спасти угнетенный народ от рабства египетского. Строго наказал Бог египтян, и после многих чудес Моисей вывел евреев из Египта. Красное море раздвинулось и пропустило евреев, а войско египтян потопило. Вода потекла из мертвой скалы и напоила беглецов в пустыне. И вел их Сам Бог. Днем шел Бог впереди в столбе из облаков, ночью – в столбе из огня.

Идя по пустыне, добрались евреи до великой горы Синай в Аравии. Почти два миллиона евреев – мужчины, женщины, дети видели, как Бог в огне и облаке спустился на горную вершину. *Гора же Синай вся дымилась от того, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась*[1]. Сверкали молнии, гремел гром, раздавался звук как бы великой трубы, и гора горела огнем. И весь народ услышал могучий голос Божий. Бог сказал:

1. Я Господь, Бог твой... Да не будет у тебя других богов пред лицем Моим;

2. Не делай себе кумира[2] и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им...

3. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно...

4. Помни день покоя, чтобы проводить его свято; шесть дней работай и делай в них все дела твои, а день седьмой – день покоя – да будет посвящен Господу, Богу твоему...

5. Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо, и чтобы продлились дни твои на земле...

6. Не убивай;

7. Не прелюбодействуй[3];

8. Не кради;

9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего;

10. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ничего, что у ближнего твоего[4].

Два миллиона человек слышали эти десять повелений, десять заповедей Божиих. Весь народ устрашился такого грозного пришествия Бога в огне, молнии, громе, землетрясении, убоялся Его могучего голоса... И отступил народ подальше от горы, и все просили Моисея: «Пусть не говорит с нами Бог,

---

[1] Исход 19:18

[2] Кумир – идол.

[3] Не прелюбодействуй – не нарушай супружескую верность, храни девство до брака.

[4] Библия. Книга Исход. Глава 20, стихи 2-17.

чтобы нам не умереть. Ты говори с Богом, а нам передавай все Его повеления».

И взошел Моисей на гору. Страшно было Моисею идти в огонь, в облако, в дым, в землетрясение. Но Бог принял Моисея с добротой. Господь написал эти десять заповедей на двух каменных дощечках-табличках и дал их Моисею, а Моисей передал всем людям.

После явления Бога на горе Синай, евреи еще сорок лет скитались по пустыне, а Господь их питал и хранил. Однажды, когда их нестерпимо мучал голод, Господь обещал им дать наутро хлеб. Настало утро, испарилась роса, и евреи увидели на бесчисленных булыжниках пустыни белые крупинки, словно мелкий град или маленькие круглые жемчужинки. Их было видимо-невидимо рассыпано по глинистой и каменистой земле. Увидев впервые этот белый бисер, сошедший ночью с неба, евреи спрашивали друг друга: «Что это? Что это?», по-еврейски – «**Ман-гу? Ман-гу?**» Вот и получила эта небесная пища название **манна**.

Манна оказалась очень вкусной, она напоминала хлеб с медом и оливковым маслом. Каждую ночь манна сходила с неба вместе с росой. Утром люди собирали ее, мололи из нее муку в жерновах или толкли в ступе, варили в котлах и делали сытные лепешки[5]. Манну собирали ровно на сутки, и так *пять дней подряд*. А в *шестой день* ее выпадало в два раза больше, чтобы хватило и на седьмой день. В *седьмой же день* недели Бог совсем не посылал манну, чтобы люди не работали, не отвлекались на сбор пищи, а молились, отдыхали от трудов своих и прославляли Господа, как и учит четвертая заповедь. Все это повторялось каждую неделю сорок лет подряд. Так питал Отец Небесный Своих любимых детей!

Подавая пищу, Бог дарит нам жизнь. А заповеди ограждают нас от зла, чтобы наши сердца не становились жестокими и злыми. И если Бог как желанный Друг войдет в нашу добрую душу, то наша жизнь станет не просто человеческой, а **небесной**.

А теперь давайте узнаем, как же это может произойти.

[5] Числ 11:8.

Тело и Кровь Христа

Манна была чудом – небесным хлебом, посланным от Бога. Но она была еще и предсказанием о Господе нашем Иисусе Христе. Манна сходила с небес, и Иисус Христос сошел к нам с небес. Манна была пищей, и Иисус Христос – наша Святая Пища.

Это кажется непонятным и удивительным, но Иисус говорил о Себе: *«Я - хлеб, сошедший с небес[6]. Тот, кто ест Мою Плоть и пьет Мою Кровь, имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его[7]»*.

Вы, наверное, догадались, ребята, что Господь говорит о Чуде Причастия, которое каждый день совершается в храме Божием. Молится священник, благодарит Бога за все и приносит Ему в дар всю нашу жизнь под видом хлеба и вина. И в ответ на нашу любовь Бог дарит нам Своего Сына: эти хлеб и вино чудесно становятся Его Телом и Кровью. Каждая частица – не кусочек тела, а весь Иисус Христос, в каждой капельке – живой, воскресший, бессмертный Богочеловек. Батюшка дает нам из Чаши святую частичку, и Иисус Христос входит в нас и живет в нас. Он Своей добротой прикасается к нашим сердцам, чтобы они оттаяли и стали добрыми, чистыми, светлыми. Это чудо называется **При-частие**, ведь мы как бы **при**-соединяемся как частички к Иисусу Христу и в Его жизни имеем у-**частие**.

Впервые таинство Причастия Господь Иисус Христос совершил для Своих учеников на прощальном ужине перед Своею смертью. Вот как об этом повествует священная книга Евангелие.

«И когда они ели, Иисус взял хлеб, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: это – Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, это – Кровь Моя, которая за вас проливается для прощения грехов»[8].

И по сей день Господь наш Иисус Христос совершает это чудо. Чтобы вкушать Тело и Кровь Господа, мы должны открыть перед

[6] Ин 6:41

[7] Ин 6:54

[8] Мф 26:26-28, Мк 14:22-24, Лк 22:19-20.

священнослужителем все свои грехи – нехорошие мысли, слова и поступки, вычистить из своего сердца все грязное, недостойное. Через священника Господь прощает и очищает нас. Это таинство называется **Исповедью**. Только после исповеди мы можем подойти к Святой Чаше и с чистым сердцем принять **Причастие**.

Причастие обновляет душу и тело человека. Вот пример. Тринадцатилетняя девочка, дочка крестьянина из Саратовского края, неожиданно заболела. Она стала часто терять сознание. Пригласили батюшку причастить девочку, но она как раз оказалась в беспамятстве и не могла повиниться в грехах.

Священник положил на голову девочки священный ящичек, в котором хранились Тело и Кровь Господа. Это Сам Господь прикоснулся к больному ребенку. И вдруг она говорит: «Ах, как мне легко теперь! Пустите меня, я встану!» Обрадованный батюшка снял с ее головки Святые Дары – и девочка вновь потеряла сознание. Несколько раз служитель Божий прикасался великой святыней к девичьей головке, но стоило ему убрать ящичек, хранящий в себе Христа, и больная впадала в беспамятство. Тогда священник целых полчаса держал святыню на голове ребенка. Больная окрепла, поднялась с земли, вошла в дом, покаялась в грехах и вкусила Причастие. На следующий день она окончательно выздоровела.

Так Христос – наша Небесная Пища – исцеляет душу нашу от греха, а тело от болезни.

Иеромонах Гавриил (Мельников)

БЕЛАЯ ЗАНАВЕСКА В ОКНЕ

– Папа... Па-па... Па-па-па... – тоненько позвал Кирюша и потом ждал, улыбаясь. Вот улыбка у него сохранилась до сих пор: слабенькая такая, растягивающая его бледно-розовые губы на какие-то едва уловимые миллиметры. И все-таки это была не гримаса боли и не случайное непроизвольное движение, а именно улыбка.

– Сыночек, это не папа – это я! – сказала мама, садясь возле его кровати на стул.

– Папа... Па-па? – Кирилл постарался придать голосу вопросительную интонацию, чтобы мама поняла, что он вовсе не принял ее за папу, а спрашивает, где отец и скоро ли он придет к нему.

– Па-па? Па-па-па-па?

Голос еще немного поднялся, и мама догадалась:

– Ты хочешь спросить, где папа, Кирюша? Папа еще на работе, но тоже скоро приедет. Он обещал с дороги позвонить.

– Па-па... – прошептал Кирилл уже без вопросительной интонации.

– Да-да, сыночек, папа скоро приедет, – поняла его мама. Она взяла его слабую руку и положила себе на ладонь. – Ты чего-нибудь хочешь, Кирюша? У тебя ничего не болит? Пить не хочешь?

Его рука на маминой ладони осталась неподвижной. Когда Кирюша еще мог разговаривать, они разработали систему знаков: если он хочет сказать «нет» – он просто не отвечает, а если хочет сказать «да» – нажимает одним пальцем на ладонь.

– Хочешь, я тебе почитаю вслух?

– «Да», – ответил Кирюша легким нажатием среднего пальца.

– Что почитать – молитвы? – Кирюша не ответил: до прихода мамы он был один, то есть не совсем один – он теперь один вообще никогда не оставался, а в палате никого из людей с ним не было, никто его не тревожил, и он долго молился в тишине.

– Книжку почитать тебе?

– «Да», – ответил Кирюша.

– Сказку?

– «Да».

– Хочешь про «добываек»?

– «Да».

– Мама достала из тумбочки книжку и стала читать с того места, где они остановились прошлый раз. Это была чудесная волшебная сказка про маленьких человечков, живущих в старинном английском доме под полом и добывающих все нужное для жизни у людей. Они читали ее уже в третий раз. Но Кирюша

слушал не сказку, а мамин голос и смотрел на белую занавеску в окне. Он знал, что это для всех других, даже и для мамы с папой, всегда задернутая занавеска в больничном окне остается просто белой: сам же он видел на ней четкий золотой силуэт, от которого вверху расходились лучи. От этой смутно видимой фигуры к нему струились покой, тепло и свет, а все остальные, даже мама и папа, не говоря о врачах и сестрах, находились в каком-то серо-голубом тумане. Лиц человеческих он уже не видел и силуэтов людей не различал. Он знал, что в один прекрасный день занавеска в окне отодвинется и он увидит Того, Кто пришел за ним уже давно, но терпеливо ждет, когда Ему можно будет подойти к Кирюше, взять его за руку и увести за Собой. Кирилл думал, что это его Ангел Хранитель, но точно не ведал и даже особенно не думал об этом: однако он знал, что все будет хорошо, когда они встретятся с Тем, Кто его ждет. А пока еще было не время, пока еще он должен был потерпеть и побыть с родителями, чтобы им было легче отпустить его с Тем, Кто ждет. Впрочем, терпеть ему с каждым днем становилось все легче. С тех пор, как он перестал двигаться, почти ослеп и стал очень плохо слышать, боли он тоже почти не чувствовал. Надо было только лежать совсем неподвижно и дышать очень тихо, и тогда можно было вспоминать, думать часами о чем угодно и молиться – тело его совсем не беспокоило, он не чувствовал, как из капельницы в него вливают лекарства. Хуже было, когда сестры или врачи откидывали легкое одеяло и что-нибудь с ним делали, – тогда старая мучительная боль неожиданно возвращалась. Ненадолго. И хорошо, что ненадолго, потому что Кирилл уже начал отвыкать от боли, забывать о ней – и она вдруг колола его неожиданно и остро, как большая игла. Тогда он тихонько стонал или кривился от боли, но чаще избавлялся от нее своим способом – молитвой. Он читал самую любимую из всех молитв, которые он успел выучить в больнице, – «Богородице Дево, радуйся!..» И стоило ему сказать мысленно первые слова молитвы, как он сразу же слышал ответ: «И ты радуйся, Кирюша! Потерпи, родной, сейчас тебе станет легче. А скоро боль оставит тебя навсегда, и ты забудешь о ней!» И боль тут же начинала отступать, отступала... и пропадала совсем.

«Он в таком состоянии уже почти не испытывает боли!» – говорил доктор маме с папой, и Кирилл видел, что они начинают доктору верить. Вот и хорошо. Пусть они еще побудут с ним, посидят спокойно рядом, держа руки «семейным замком», пока это еще возможно. Это у них была такая игра, которую он придумал в первые месяцы болезни, когда и самому ему было очень плохо, и родители почти не выходили из состояния паники и страха за него, когда готовы были на любые жертвы, чтобы вылечить единственного сына. Три года они вытаскивали его из болезни, а он подтаскивал их друг к другу. У них не получилось, а вот у него – да, все-таки получилось! Кирилл подумал так и тут же устыдился: ну, это же не сам он придумал себе болезнь, ему ее дали потому, что он просил день и ночь: «Господи, сделай так, чтобы папа и мама не разводились! Возьми от меня все что хочешь, только помири их!» Наверное, у Бога не было другого средства их образумить, а то бы Он, конечно, обошелся и без Кирюшиной болезни. Но Кирилл не жалел о цене, которую заплатил за их примирение: вот уж чего он никак не хотел, на что не согласился бы, если бы его спросили, – так это остаться жить при разведенных папе и маме!

В долгие часы без сна он иногда спрашивал себя, не зря ли он так настойчиво просил Бога любой ценой сохранить их семью? Он даже пытался представить себе, как это было бы, если бы он жил с одной мамой: у папы появились бы другие дети, и не было бы уже ни поездок вдвоем с отцом на рыбалку на дальние лесные озера, не было бы их дружной возни в гараже с папиной машиной, ни игры в шахматы по вечерам... А если бы он остался с отцом? Он даже представлять себе не хотел, как это, например, засыпая, не почувствовать, как мама, закончив свою возню на кухне, тихонько входит в его комнату, подтыкает ему одеяло и тихонько целует его в макушку, которую он предупредительно выставлял наружу перед тем как заснуть...

Даже сейчас, когда все уже было в порядке, когда папа и мама снова любили друг друга и искали друг в друге поддержки, когда уже и младший братик Костик родился, Кириллу страшно было вспомнить о том времени, когда в семье каждый день звучало страшное военное слово «развод».

Мама и папа думают, что Кирилл стал таким верующим во время болезни, потому что он надеялся выпросить у Бога исцеления. Как бы не так! Ему просто некого больше было просить, чтобы папа с мамой помирились, кроме Бога. Бабушки и дедушки в этом деле были бессильны, да они и не пытались воздействовать на его родителей. Вот и пришлось решать эту проблему Кирюше с Богом...

И запутавшийся в каких-то взрослых тайнах отец, и гордая, оскорбленная и непримиримая мама, узнав о его болезни, так и кинулись друг к другу, забыв и об обидах, и о каких-то там тайнах. Все перестало для них иметь значение, кроме Кирюшиной болезни. Вот тогда-то он и придумал «семейный узел»: Кирилл берет за запястье мамину руку, мама – отца, а отец берет рукой запястье сына. Получается крепкий «семейный узел». Он приучил их тоже думать, что таким «узлом» они все могут удержать друг друга. Поняв, что они помирились, Кирюша не стал просить Господа об исцелении – он оставил это на Его усмотрение. Он даже слегка побаивался: вдруг он поправится, а они возьмут и снова начнут разводиться. Нет, он был хитрее! Он начал просить Бога о младшем братишке. «Если я уйду, а у них останется маленький, вроде как вместо меня, так они уж точно побоятся разводиться!» – сочинял он счастливое будущее для семьи. И Бог ему ответил – вскоре мама поняла, что будет ребенок. И папа ему очень обрадовался! Кирилл все понимал: каждый из родителей надеялся, что заботы о втором ребенке помогут другому пережить, если случится худшее. Кирюша ничуть за это на них не обижался – он-то знал, что не расстанется с ними, даже когда за ним придут! То есть он все равно будет их любить, даже еще крепче будет любить – оттуда. Но им-то это не объяснишь... И вот Костик родился, и теперь ему уже полгода. Братишка еще маленький, но ручонки у него цепкие, хваткие и сильные, и если положить его ручку на мамино запястье, а мама возьмет папу, а папа – Кирилла, то узел получается очень крепкий. И вот он, Кирилл, уйдет – а узел-то и останется!

Жаль, что Костика так редко приносят к нему: с ним сейчас сидят по очереди обе бабушки. Кирюша чувствует, для бабушек это большое облегчение, что не надо сидеть у него в больнице: они обе старенькие и боятся ходить именно в онкологическую больницу, а потому они с радостью взяли на себя все заботы о младшем внуке. Кирилл на них не обижается, ему самому нужны только папа с мамой: он спешил любить их изо всех сил и сам купался в их любви. Он только хотел, чтобы они научились любить его не временно, пока он еще тут, на земле, с ними, – а любить его вечно. Вот когда они поймут, что «семейный узел» не распадается и после смерти, а любовь никуда не пропадает, – вот тогда и распахнется белая занавеска в окне и за ним придут... Скорее бы! Он знает, что ему будет немыслимо хорошо там, за занавеской. Ему уже так хочется туда, где уже не будет никакой боли, а только одна радость, как ему обещал Тот, Кто его ждет, Кто понесет его туда на руках...

Пришел папа. Подошел, сел рядом с мамой и спросил тихо:

– Как он сегодня?

– Все так же...

Кирюша напряг силы и чуть-чуть приподнял руку. Мама поняла, как всегда, первая: она подсунула свое запястье под его ладонь, Кирилл сжал его как мог, и мама подняла свою и его руку и сказала папе:

– Дай нам твою руку!

Папа протянул маме руку, а сам бережно взялся за запястье Кирюши. Папе показалось, что узел слишком хрупкий, и он подложил под него и вторую раскрытую ладонь, такую большую, широкую, надежную.

Кирюша смотрел на чуть колеблющуюся занавеску в окне и улыбался...

Юлия Вознесенская